DOI: 10.31860/978-5-918680-445-126-170

М. Э. Баскина (Маликова), А. В. Волков

«УЖ ЛУЧШЕ ДИСТИЛЛИРОВАННАЯ ВОДА, РАЗ НЕТ КЛЮЧЕВОЙ, ЧЕМ РУССКИЙ КВАС»: А. Н. Егунов — редактор перевода «Пира» для тома «Избранных диалогов» Платона (1965)

Аннотация: Публикация материалов из недавно переданного в РО ИРЛИ архива филолога-классика А. Н. Егунова раскрывает драматический конфликт, лежавший в основании работы Егунова в последние годы его жизни в качестве редактора переводов и переводчика для издания «Избранные диалоги» Платона (М., 1965). Егунов участвовал еще в незаконченном собрании творений Платона, выходившем в «Academia» в 1922—1929 гг., после чего Платон 40 лет не появлялся на русском языке — издание 1965 года было первым после этого разрыва. В 1920-е Егунов перевел поздние, «старческие», «Законы» Платона, в предисловии к которым писал с нежностью о диалоге «Федр»: «...там собеседники, разувшись, идут в зной по руслу речки, сладко беседуя; все юно, безоблачно и солнечно <...>» — в 1960-е, сам уже будучи стариком, получил возможность перевести для тома «Избранных диалогов» «юного» «Федра», а также пересмотреть старые переводы диалогов Платона и отредактировать их, сделав внятными для современного отечественного читателя. Однако новая работа обернулась для него большим огорчением: «А когда книга переживет меня? — сокрушенно писал он С. В. Поляковой. — Вечное пятно...» Материалы архива Егунова, а также архива издательства «Художественная литература» в РГАЛИ позволяют увидеть драматический разрыв между соединявшим классическую образованность и мысль о современности подходом к переводу Платона Егунова (его, выходца из эпохи 1920-х годов, не затронули послевоенные погромные филологические кампании, так как он 25 лет был исключен из профессиональной жизни — находился в плену, на принудительных работах, в лагере), и доместицирующей, «оживляющей», вульгаризирующей практикой переводчиков и редакторов нового поколения, — их, по выражению Егунова, «модернизацией в сторону серости». В таком ключе была проведена правка редакторами издания егуновского перевода «Федра» (возражения переводчика практически не были учтены) и такой же характер имел сделанный С. К. Аптом, переводчиком нового поколения, перевод одного из важнейших диалогов Платона, «Пир». Егунов счел перевод Апта абсолютно неприемлемым, однако он, как известно, был опубликован и до сих пор является дефинитивным (с учетом лишь части замечаний Егунова). В приложениях к статье публикуются общие соображения Егунова о переводе «Пира» и его отзывы на старый перевод И. Д. Городецкого и новый С. К. Апта. Вступительная статья к публикации написана М. Э. Баскиной, примечания к публикационным приложениям составлены М. Э. Баскиной и А. В. Волковым.

Ключевые слова: А. Н. Егунов, русские переводы Платона.

© Баскина (Маликова) М. Э., Волков А. В., 2024

Abstract: The publication of materials from Andrey Egunov's archive recently given over to the Manuscript Division of the Pushkin House reveals the dramatic conflict underlying his work as editor of translations and translator for Plato's "Selected Dialogues" (Moscow, 1965). As a young man Egunov had participated in the unfinished Plato's "Collected Works" in the "Academia" publishing house (1922—1929), after which there had been no new relevant Russian editions of Plato for 40 years — the 1965 edition was the first to close the gap. In the 1920s Egunov had translated the late, "senile" "Laws" tenderly referring in his preface to them to "Phaedrus": "...there the companions are walking about in the heat, their shoes off, along the river bed, sweetly conversing; everything is young, cloudless and sunny...". In 1960s, himself already an old man, he got a chance to translate the "young" "Phaedrus" and also to review the earlier Russian translations of Plato's dialogues and to edit them for the use of contemporary Soviet reader. However, this work turned out a great disappointment: "What if the book outlives me? — he wrote disconcertingly to Sofia Polyakova. — An eternal stain...". Materials from Egunov's personal archive and from the archive of "Khudozhestvennaya literatura" publishing house (RGALI) allow to see the dramatic rupture between Egunov's approach to Plato translation that combined fundamental classical education with the acute feeling of modernity (Egunov, having spent 25 years in captivity and labor camp, avoided all the devastating Soviet campaigns and preserved professional ethos of the 1920s) and domesticating, vulgarizing practice of the new generation of postwar translators and editors — their, as Egunov had put it, tendency to "drab modernization". The editors had introduced uninvited corrections into Egunov's translation of "Phaedrus". Similar approach defined the new translation of one of Plato's key dialogues, "Symposium", by a translator of the new generation, Solomon Apt. Egunov considered Apt's version totally unacceptable, however, it was published and is still definitive (with only partial consideration of Egunov's corrections). We publish Egunov's general notes to the translation of "Symposium" and his reviews of its old Russian version by Ivan Gorodetsky and the new one by Solomon Apt. The publication is prepared and introduced by Maria Baskina, commentaries are composed by Maria Baskina and Alexander Volkov.

Keywords: Andrey Egunov, Russian translations of Plato.

Андрей Николаевич Егунов (1895—1968), в 1920-е — начале 1930-х годов — блестящий молодой античник, ученик С. А. Жебелева, оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, автор до сих пор дефинитивного перевода «Законов» Платона[1] и выполненных вместе с друзьями по кружку АБДЕМ[2] новаторских переводов позднегреческого романа[3], поэт и прозаик (литературный

[1] Полн. собр. творений Платона: в 15 т. / новый пер. под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. Пб.: Academia. 1923. Т. 13, 14.

[2] См.: *Бударагина О. В.* К истории АБДЕМ (по материалам петербургских архивов) // Philologica classica. 2019. Т. 14. № 12. С. 299—309.

[3] *Ахилл Татий Александрийский.* Левкиппа и Клитофонт / пер. А.Б.Д.Е.М. под ред. Б. Л. Богаевского; со вступ. ст. А. В. Болдырева. М.: Гос. изд-во, 1925 (сер. «Всемирная литература»); *Гелиодор.* Эфиопика / вступ. ст., ред. пер. и прим. А. Егунова. М.; Л.: Academia, 1932 (переизд. в 1965 г.).

псевдоним Андрей Николев), близкий к кругу Михаила Кузмина[4], — в течение более четверти века, начиная с первого ареста, в начале 1933 года, с небольшими перерывами находился в неволе (в ссылке, в плену, на принудительных работах, в лагере), не имел возможности заниматься научной работой, не смог опубликовать ни строчки и, как он сам говорил, превысил сроки странствий, которые судьба уготовила гомеровскому Одиссею[5]. Освободившись в 1956 году из лагеря, Егунов вернулся в Ленинград и был вынужден на седьмом десятке лет поступить на службу в Пушкинский Дом в Сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур, где проработал до 1963 года, пока набрался необходимый для пенсии стаж[6]. В Пушкинском Доме и особенно в самые последние годы жизни, после выхода на пенсию, Егунов вернулся к занятиям классической филологией. В начале 1960-х он переработал для переиздания в серии «Библиотека античной литературы» издательства «Художественная литература» абдемовский перевод Гелиодора 1932 года, снабдив его новой вступительной статьей[7], сотрудничал с С. В. Поляковой как переводчик и редактор переводов позднегреческой прозы[8] и работал над монографией «Греческий роман в русских переводах XVIII века» — как он писал Поляковой, «[п]рощаясь с греч<еским> романом (это входит в прощание с миром) <...>»[9].

В 1964 году Егунов был приглашен редактором издательства «Художественная литература» С. А. Ошеровым в качестве редактора переводов для тома «Избранных диалогов» Платона (М.: Художествен-

---

[4] Творчество Егунова-писателя достаточно известно, см. основные комментированные издания: *Андрей Николев* (*Андрей Н. Егунов*). Собрание произведений / под ред. Глеба Морева и Валерия Сомсикова. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1993 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 35); *Маурицио М.* «Беспредметная юность» А. Н. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной, 2008; *Николев А.* По ту сторону Тулы: советская пастораль / статья Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой; комм. А. А. Агапова, Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. М.: Носорог, 2022.

[5] Цит. по: *Сомсиков В. И.* Жизненный и творческий путь А. Н. Егунова // Греко-латинский Кабинет. 1997. Вып. 2. С. 75.

[6] Подробнее о пушкинодомском периоде и трудах Егунова см. в нашей заметке «"...словно ты выходец с того света, или, напротив, заживо странствуешь по елисейским краям": Андрей Николаевич Егунов как филолог после 1956 года» в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год» (СПб.: Полиграф, 2023. С. 298—378).

[7] *Гелиодор.* Эфиопика / ред. пер., вступ. ст. и комм. А. Егунова. М.: Худож. лит., 1965.

[8] См.: Поздняя греческая проза / пер. с др.-греч.; сост., вступ. ст. и прим. С. Поляковой. М.: Гослитиздат, 1961; Византийская любовная проза: *Аристенет.* Любовные письма; *Евматий Макремволит.* Повесть об Исминии и Исмине / пер., вступ. ст. и комм. С. В. Поляковой. М.; Л.: Наука, 1965 (Лит. памятники); Византийские легенды / изд. подг. С. В. Полякова. Л.: Наука, 1972 (Лит. памятники).

[9] Открытка Егунова Поляковой от 10 июня 1968 г. // Архив Поляковой в РО ИРЛИ (фонд проходит научно-техническую обработку).

ная литература, 1965), а также сам перевел для него диалог «Федр»[10]. В двадцатые, переводя для «Academia» поздние, «старческие», «Законы» Платона, Егунов писал с нежностью о диалоге «Федр»: «...там собеседники, разувшись, идут в зной по руслу речки, сладко беседуя; всё юно, безоблачно и солнечно <...>»[11], — теперь, в середине 1960-х, уже стариком (на сохранившемся в архиве листке, датированном 28 июля 1964 года, Егунов выписал из Псалма 89: «Дней лет наших 70 лет, а при большей крепости 80 лет, и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим»), он получил возможность взяться за «юного» «Федра»[12]. Работа над «Избранными диалогами», однако, оказалась большим огорчением: «А когда книга переживет меня? — сокрушенно писал он Поляковой. — Вечное пятно...» (письмо от 3 марта 1966 г.)[13]. Попробуем прояснить, опираясь на заметки, сохранившиеся в архиве Егунова, а также на относящиеся к этому изданию материалы в архиве издательства «Художественная литература»[14], основания конфликта между Егуновым и издательством[15].

---

[10] В последние годы жизни Егунов также работал над переводом «Государства», который увидел свет уже после смерти переводчика (*Платон*. Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. Т. 3).

[11] *Егунов А.* Введение // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 13: Законы. Кн. 1—6. С. 5.

[12] Ср.: Выбранные места из переписки друзей-филологов: А. И. Доватур — А. Н. Егунов — Я. М. Боровский / публ. и прим. А. К. Гаврилова и В. В. Зельченко // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. Пб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; «Алетейя», 2000. Вып. II. С. 182, 186.

[13] Архив Поляковой.

[14] Архив Егунова в 2024 г. передан РО ИРЛИ и проходит научно-техническую обработку, далее ссылки на материалы из него даются сокращенно: Архив Егунова. Мы работали с этими материалами, когда они находились в семье потомков В. И. Сомсикова, ближайшего друга Егунова последних лет его жизни, и искренне признательны И. В. и В. В. Сомсиковым за разрешение подготовить настоящую публикацию. Относящиеся к этому изданию материалы отложились также в архиве издательства «Художественная литература» (РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, 5017, 5200—5204). Пока готовилась настоящая публикация, связанные с изданием Платона материалы из архива Егунова были опубликованы в журнале «Платоновские исследования» группой исследователей-философов из Балтийского федерального университета имени Канта, см. особ.: *Светлов Р. В.* А. Н. Егунов о переводе платоновского диалога «Пир» // Платоновские исследования. 2023. № 19 (2). С. 242—263 и коллективную монографию: Андрей Николаевич Егунов: рукописное наследие (ученый и переводчик в интеллектуальной истории России). Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. Однако мы сочли возможным предложить их для издания в «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома», в котором теперь хранится архив Егунова, снабдив не философским, как в указанных публикациях, а филологическим публикаторским аппаратом и дополнив материалами из РГАЛИ.

[15] Авторы благодарят Е. В. Желтову и М. Ю. Кореневу за консультации в области древнегреческого и немецкого языков.

Однотомник Платона в издании «Художественной литературы» не принадлежит к традиции филологических изданий античной классики: он был составлен редактором издания В. Ф. Асмусом из диалогов, признанных «произведениями античной *художественной* литературы. В однотомнике представлен Платон-поэт, Платон-художник»[16]. Егунов отчетливо осознавал научно-популярную ориентацию издания на широкого читателя, которому «подлинник недоступен <...> и который впервые знакомится с Платоном»[17]:

> По характеру издательства («Художественная литература») и из подбора диалогов видно, что Платон включается в нашу серию как поэт, писатель, «беллетрист» (если отважиться применить опошленное слово). В «Протагоре» и «Пире» — картины афинского быта, в «Ионе» и «Федре» — вопросы поэтики, эстетики, в «Пире» — «платоническая любовь» (хотелось бы видеть там и небольшой по объему диалог «Алкивиад первый»[18]), в «Апологии», «Критоне», «Федоне» — своего рода «роман о гибели Сократа». Чисто умозрительным диалогам, как, например, «Филеб», «Феэтет»[19] и другие, не место в этом однотомнике, тем более что идеологически Платон, как известно, «наш враг, идеалист», хотя и тут не все так просто <...>[20].

Проблема этого популярного «художественного» издания Платона заключалась в том, что оно не имело опоры в собственно научных современных изданиях Платона, а было первым после долгого перерыва: как отметил Егунов, Платон «40 лет не появлялся на русском языке (за исключением диалога “Теэтет” в переводе В. Сережникова, 1936 года)»[21], то есть со времен незаконченного 15-томника «Academia» 1922—1929 годов, в котором Егунов также принимал участие.

---

[16] *Асмус В. Ф.* Платон — философ-художник античного мира // *Платон.* Избранные диалоги / сост., вступ. статья и комм. В. Асмуса; ред. переводов А. Егунов. М.: Худож. лит., 1965. С. 10, курсив Асмуса. Вероятно, это издание служило пробным шаром для уже готовившегося трехтомного «Собрания сочинений» Платона под редакцией В. Ф. Асмуса и А. Ф. Лосева (М.: Мысль, 1968—1971), до выхода которого Егунов не дожил.

[17] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта // Архив Егунова.

[18] Это предложение Егунова учтено не было.

[19] В других местах Егунов дает более укоренившуюся в русской традиции транслитерацию заглавия этого диалога — «Теэтет» («Θεαίτητος»).

[20] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева // Архив Егунова. Заметки Егунова к «Протагору» в переводе Вл. Соловьева опубл. в качестве приложения к статье: *Светлов Р.*, *Минак В.* А. Н. Егунов как переводчик Платона // Платоновские исследования. 2022. Вып. 17 (2). С. 207—217. Мы здесь и далее цитируем их по архивному источнику. См. также дополнительные соображения об этом переводе в письме Егунова к Ошерову от 31 мая 1964 г. (РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 25—44).

[21] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта // Архив Егунова. Имеется в виду издание: *Платон.* Теэтет / пер. с греч. и прим. В. Сережникова. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936 (сер. «Классики философии»).

Поэтому для «Избранных диалогов» необходимо было, исходя из некоего еще не сформулированного собственно в научных изданиях представления о современных требованиях к переводу Платона, сделать отбор старых переводов, подвергнув их актуальной редакторской обработке, и изготовить новые, — для решения этой задачи был приглашен Егунов (сделанный им выбор и основные редакторские решения воспроизводились в последующих, уже более научных русских изданиях Платона).

Однако в предисловии Асмуса и его комментариях нет ни слова об актуальных причинах и принципах предпринятого пере-перевода, редактирования старых переводов, месте нового издания в ряду русских изданий Платона, как это было принято во всех предшествовавших изданиях. Более того, об этом ничего не говорится и в следующем, научном, издании «Мысли» (в нем лишь сообщается, в разделе примечаний, какой из старых переводов использован и кем он «заново сверен» и «отредактирован», однако принципы перевода и редактирования не разъяснены). «Избранные диалоги» и последующие советские издания Платона представляют собой симптом разрыва традиции переводов античной классики — отказа от безусловной филологической и стилистической точности, которую теперь именовали «буквализмом», от историко-культурной контекстуализации новых переводов, от эксплицитной переводческой рефлексии, вообще от актуализации нового издания. Егунов же, участвовавший еще в издании «Academia», противостоял этому разрыву как живой носитель филологической традиции — неудивительно, что его участие в томе «Избранных диалогов» оказалось драматическим, что можно увидеть не собственно при чтении книги, а только обратившись к архивным материалам.

Работа Егунова над «Избранными диалогами» Платона началась весной 1964 года, когда в той же научно-популярной серии издательства «Художественная литература» «Библиотека античной литературы» готовилось переиздание абдемовского перевода «Эфиопики» Гелиодора с новым предисловием, написанным Егуновым совсем иначе, чем статья в первом издании («Academia», 1932): в позднем паратексте нет той широкой сравнительно-культурной перспективы взгляда, которая определяет раннюю работу, как и ее прихотливого и нежного, «кузминского», стиля. В ранней статье Егунов обращается к читателю, с которым у него общий культурный язык (оперирует, где это кстати, цитатами из Стендаля, Теофиля Готье и Гете; дает интересные сравнительные очерки разных мотивов, приемов и образов в греческом романе, в европейской культуре Нового времени и в классической русской литературе (образы эфиопа, природы, острова, эротики, прием травестии классической литературы через использование литературных клише и др.); приводит параллели из области театра и изобразительного искусства). Тогда как поздняя статья обращена к читателю гораздо менее просвещенному, которому необходимо сообщить, что

такое «софистика» и позднегреческая проза, популярно пересказать содержание романа Гелиодора, снабдив его реальным комментарием, подчеркивая прежде всего познавательную и культурно-историческую ценность памятника. В соответствующем сокращении и модификации статьи свою роль сыграл редактор издательства С. А. Ошеров, — Егунов, однако, был вполне доволен сотрудничеством и охотно согласился на предложение Ошерова участвовать в качестве редактора переводов в другом, также ориентированном на широкого читателя издании, однотомнике Платона, который для издательства уже составил, снабдив вступительной статьей и комментариями, В. Ф. Асмус[22]. Асмус предложил следующий состав: «Пир» в переводе С. А. Жебелева; «Апология Сократа» (М. С. Соловьев), «Федон» (Д. П. Лебедев), «Федр» (С. А. Жебелев), «Протагор» (Вл. С. Соловьев), «Ион» (Вл. С. Соловьев), — т. е. использовал в основном переводы Жебелева из издания «Academia» (только «Федона» почему то выбрал в старом переводе Лебедева 1896 года) и братьев Соловьевых из незаконченного издания «Творений Платона» под редакцией Вл. Соловьева (из планировавшихся семи томов этого издания вышли только два: первый в 1899 году, второй, подготовленный к печати после смерти Вл. Соловьева князем С. Н. Трубецким, — в 1903-м). Отвечая на предложение издательства выдвинуть кого-то из новых переводчиков, Асмус назвал Е. В. Пастернак (особенно отметив, что она родня Г. Г. Шпету), участвовавшую в переводе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха[23]. Кроме того, на стадии обсуждения состава в том были включены диалоги «Критон» и «Ион», вероятно, в переводах из издания Вл. Соловьева.

Под влиянием Егунова переводческий облик книги решительным образом изменился: были исключены все переводы Жебелева, заново отредактированы переводы братьев Соловьевых и изготовлено несколько новых переводов.

Переводы Жебелева, университетского наставника Егунова, представлялись ему неудовлетворительными: взятые «под филологическую лупу» переводы этого «крупного ученого и прекрасного человека, о котором я сохраню благоговейную память», страдают многочисленными недостатками, «С. А. Жебелев, занимаясь вспомогательными к истории дисциплинами, был чужд вопросам литературного перевода»[24]. Таким образом возникла необходимость подыскать другие пере-

[22] См. письмо Егунова Ошерову от 20 июля 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5017, л. 79.

[23] Письмо Асмуса Ошерову от 11 сент. 1963 г. // Там же, ед. хр. 5016, л. 53.

[24] *Егунов А. Н.* <Заметки к переводу «Пира» И. Д. Городецким> // Архив Егунова. Видимо, такое отношение к переводам Жебелева было распространенным среди переводчиков следующего поколения: их редко включали в последующие советские издания, а сделанный Жебелевым в 1924 г. перевод «Государства», оставшийся в рукописи (соответствующий, десятый, том издания «Academia» не

воды «Пира» и «Федра»: «Федра» Егунов перевел сам, что же касается важнейшего диалога, «Пир», то Егунов рассмотрел старый перевод И. Д. Городецкого (1908), который с первых же строк вызвал «мрачные сомнения»: оказался «пошлым и развязным»[25] и потребовал бы столь обширной правки, что от него практически ничего не осталось (отзыв Егунова на перевод Городецкого см. в Приложении 1 к наст. статье), — и предложил поручить новый перевод «кому-нибудь из младшего поколения, чтобы в однотомнике Платона фигурировали бы на паритетных началах и старики и молодежь — это показало бы, что Платон — дело не только “ископаемых”»[26]. В помощь будущему переводчику Егунов сформулировал некоторые общие принципы передачи «Пира» на современный русский язык (см. Приложение 2) и сделал наметки перевода наиболее сложных его фрагментов, «Аполлодор и его друг» и «Речь Павсания»[27]. Он не возражал против предложенной издательством кандидатуры молодого, но уже известного переводчика С. К. Апта, хотя сам, видимо, ценил его не особенно высоко[28]. Также по предложению Егунова новый перевод «Федона» был заказан С. П. Маркишу, а соловьевский перевод «Иона» был заменен «хронологически ближайшим к нам, добросовестным переводом»

вышел), по впечатлению редактировавшего его А. А. Франковского, «никуда не годится»: по мере проверки в нем выявлялось «все больше и больше его (Жебелева. — *М. Б.*) небрежностей и неграмотностей» и «спорных вопросов» (Записи в дневнике А. А. Кроленко от 25 авг., 1 сент. и 10 окт. 1924 г. // ОР РНБ, ф. 1120, ед. хр. 266, л. 77, 79, 91 об.). Правленая машинопись жебелевского перевода «Государства» (кн. 1) сохранилась в архиве А. А. Франковского (РО ИРЛИ, ф. 132).

[25] *Егунов А. Н.* <Заметки к переводу «Пира» И. Д. Городецким>. Егунов также, как он сообщает, сравнил все другие имеющиеся русские версии этого диалога, «т. е. переводы Карпова, Аркадия Пресса, Жебелева и даже самый первый, любопытный анонимный русский перевод (с французского) в журнале “Утренний Свет”, ч. V. СПб., 1779 (имеется в виду перевод Н. И. Новикова. — *М. Б.*)», и все они оказались «не лучше» (Там же).

[26] Там же.

[27] См.: Андрей Николаевич Егунов: рукописное наследие. С. 54—60.

[28] Егунова, как следует из его заметок, равно не удовлетворяли переводы Аптом прозы Т. Манна, стихотворений Катулла, комедии Менандра, и он даже сочинил пародию «Мировые классики в переводе С. Апта», представив, как тот мог бы перевести монолог Гамлета: «В башке втемяшился вопрос мне интересный / О бытности, что, может быть, грошей / И ломаных она не стоит. Да» и фрагмент из «Дон Кихота»: «Что касается Санчо, так этот последний, скинувши с себя какую-нибудь сорочку, уже безусловно имел в виду приступить к обещанному бичеванию себя. Но Дон Кихот не без основания зная, что Санчо вообще предпочитает бить баклуши, съев уже с измальства на пронырстве собаку, и поэтому, чтобы тот и сейчас не навострил какую-либо лыжу, наставительно заметил ему во всю ивановскую: “Любишь кататься, как сыр в масле, любезнейший мой оруженосец, так люби и саночки возить!” — что было исключительно кстати на почве наблюдавшегося в тот момент явления, что Санчо бичевать-то себя бичует обломленной ветвию тамариска, да только делает это совсем уж спустя рукава» (Архив Егунова).

близкого товарища Егунова Я. М. Боровского[29], впервые опубликованным в издании «Academia», — «Художественной литературе» он был представлен в обновленном виде, с редакторской правкой Егунова, произведенной «в дружеской беседе» с переводчиком[30].

Одновременно Егунов занимался редактированием перевода «Протагора» Вл. Соловьевым, а также «Апологии Сократа» М. Соловьевым[31]. Платоновские переводы и, прежде всего, оригинальные сочинения Вл. Соловьева, как и учеба у Жебелева и участие в издании «Academia», были для Егунова лично значимы: «В Вашем предложении заняться Платоном, — писал он Ошерову, — я усматриваю некий “перст судьбы”: кончить тем, с чего я начинал. В свое время (теперь уже очень далекое) Ваш тезка — Сергей Александрович (Жебелев) — предложил кончающему студенту такую тему для “зачетного сочинения” (термин того времени, нечто вроде дипломной работы): “Религия в государстве Платона”. За эту работу (она, к счастью, не сохранилась) я был оставлен тогда при Университете. В связи с этой же темой несколько лет спустя возник и мой перевод “Законов”, к которому я теперь во многом отношусь критически. Для молодежи той эпохи Владимир Соловьев не был пустым понятием — он много значил и для моего незрелого “зачетного сочинения”. И вот теперь, совершенно неожиданно для меня (“на склоне дней”), все эти линии вновь сошлись воедино»[32].

Однако со своей теперешней точки зрения Егунов — хотя и установил переводы братьев Соловьевых как тот уровень, к которому следует подверстывать другие переводы, — сверяя с подлинником, отнесся к ним критически и подверг редакторской «ретушировке». «...“amicus Владимир Соловьев, sed magis amicus Plato”, или, выражаясь уже не по Аристотелю, а по-современному, судить надо “не взирая на лица”», — писал он Ошерову:

> Лишнее напоминать, что весьма уязвимыми переводчиками бывали выдающиеся поэты и ученые: Фет с его топорными римскими поэтами, <...> Зелинский с его безвкусными «балладами» Овидия и тот же С. А. Жебелев с его Платоном. Перевод Вл. Соловьева ни в какой мере не отвечает значительности его оригинальных трудов, хотя и верен узко-филологически[33].

---

[29] Письмо Егунова Ошерову от 31 мая 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 44.

[30] Там же, ед. хр. 5017, л. 78.

[31] Диалог «Критон» также включен в том «Избранных диалогов» в переводе М. С. Соловьева в редакции Егунова, однако материалов, отражающих ход работы над редактированием этого текста, в просмотренных нами архивных материалах не обнаружилось.

[32] Письмо Егунова Ошерову от 31 мая 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 24.

[33] Там же, л. 24—25.

Установка Вл. Соловьева на филологическую точность, вообще безусловно верная, по мнению Егунова, породила в «Протагоре» «тон перевода», который «не соответствует подлиннику»[34]: буквальная передача некоторых греческих слов и оборотов обернулась вульгарной речью, характерной для необразованных людей, получились «ложные социальные эффекты». Сниженный тон определяет весь перевод «Протагора», в котором Вл. Соловьев удивительным образом «совершенно отказался от языка своих философских сочинений и своих стихов»[35]. Правка Егунова была направлена на приведение перевода Соловьева к «дистиллированной» языковой норме современного русского образованного общества:

> Обоснованием служит то, что язык Платона — это язык образованного афинского общества, тем более в таком диалоге как «Протагор», где выведен «цвет интеллигенции» — сам Протагор, Гиппий, Продик и др. Нет никаких причин передавать Платона языком необразованных кругов русского населения и тем самым внушать читателю ложное представление о греках. В Афинах, правда, не было такого разрыва между речью простолюдинов и речью образованных людей, как это исторически получилось на Руси. Разные греческие ἴθι, φέρε, ἔφη, οὖν и т. п. свойственны вообще греческому языку и не являются средством социальной характеристики. При «верной» (по словарю) их передаче по-русски получается, как это наблюдается в переводе Вл. Соловьева, сильнейший социальный оттенок: афиняне разговаривают между собой очень уж «по-русски», как на базаре или как школьники или купцы. Следовательно, все, что при буквальном переводе с греческого на русский дает ложные социальные эффекты, подлежит вычеркиванию хотя бы и без замены, так как заменить их нечем. Правда, при этом теряется живость слога, получается несколько «оголенный» язык, но из двух зол это меньшее: уж лучше дистиллированная вода, раз нет ключевой, чем русский квас.
>
> Кроме того, этот тон и сам по себе фальшив, потому что не подтверждается русским культурно-историческим прошлым: если на Руси встречались философствующие простолюдины, то они, когда «мудрствовали», прибегали по мере сил к церковнославянским выражениям (ср. Григорий Сковорода). Так что Вл. Соловьев переводит Платона на небывалый на Руси язык, которого в таком виде не могло быть и во времена Вл. Соловьева и которого нет и сейчас <...>. В неверном по тону переводе Соловьева получается комический контраст философского содержания и его стилистического воплощения[36].

На этом фоне правка «Апологии» в переводе М. Соловьева оказалась проще, поскольку, как отметил Егунов, в «Протагоре» и «Апологии» Сократ говорит не совсем одинаковым языком: «В изысканном обществе софистов Сократ не позволяет себе “площадных” выраже-

[34] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева.
[35] Там же.
[36] Там же.

ний (потому-то пришлось подвергнуть немилосердной правке перевод Вл. Соловьева), напротив, на суде перед смешанной афинской публикой Сократ прямо заявляет, извиняясь, что он будет говорить так, как он привык общаться с людьми на агоре, у меняльных лавок и т. д.»[37]. В целом перевод М. Соловьева выполнен «добротным русским языком», «читатель нигде не чувствует неудобств», однако при сравнении с подлинником в нем обнаруживаются «прямо ошибки и, что еще неприятнее, — обход трудностей. <...> Мих. Соловьев склонен к уклончивости, к пересказу “своими словами”», — соответственно, задача редактора заключалась в «приближении к подлиннику, насколько только возможно»[38], причем к подлиннику стилистически сравнительно простому, сниженному.

Размышляя над старыми переводами Платона, Егунов тогда же, осенью 1964 года, получил для редактирования новый перевод «Пира», выполненный Аптом, который его неприятно поразил: Егунов разобрал перевод более чем на 20 машинописных страницах (см. Приложение 3), резюмировав, что он «неверно передает общий тон и характер диалога “Пир”, искажает слог и язык автора и поэтому должен быть признан совершенно неудовлетворительным»[39]. Однако, как известно, именно перевод Апта (с частичным учетом правки Егунова) был опубликован и стал дефинитивным.

Наконец, одновременно с редактированием чужих переводов Егунов сам готовил для нового издания диалог «Федр» («Файдр», в его транслитерации). Как свидетельствуют архивные материалы, этот перевод послужил причиной острого конфликта Егунова с издательством и вышел в искаженном виде: он был подвергнут Ошеровым ошибочной, по убеждению Егунова, правке, с которой Егунов получил возможность ознакомиться только на стадии верстки. Егунов обратился с претензией в главную редакцию издательства и вынудил Ошерова вернуть верстку, уже находившуюся на стадии производства, однако тот, проконсультировавшись, как он сообщил, с членом редколлегии «Библиотеки античной литературы» профессором М. Е. Грабарь-Пассек и автором научного аппарата к изданию Асмусом, учел лишь ничтожную часть поправок Егунова и вообще объявил его перевод «крайне буквалистическим», о работе Егунова как редактора переводов Ошеров также отозвался, что она «отличалась исключительной филологической точностью, но в то же время вносила в переводы большую долю буквализма» и поэтому потребовала от издательского

[37] Письмо Егунова Ошерову от 31 мая 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 43.

[38] *Егунов А. Н.* Заметки к переводу «Апологии Сократа» // Архив Егунова (в архиве издательства «Художественная литература» сохранился фрагмент этого текста, отсутствующий в варианте из архива Егунова, см.: РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 43—44).

[39] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта.

редактора «большой работы над стилем»[40]. Егунову оставалось только по уже вышедшей в свет книге составить целый список ошибок, внесенных редакторами в его перевод «Федра» (см. подробнее в конце наст. статьи).

Таким образом, том «Избранных диалогов», незаметно для читателя, отражает драматическое противоречие между, во-первых, старыми переводами из издания под редакцией Вл. Соловьева, редакторски актуализированными Егуновым, во-вторых, переводами «Федра» и «Иона», которые сделаны Егуновым и Боровским, начинавшими еще в издании «Academia» и при этом живыми и действующими в 1960-е переводчиками, — эти переводы были напечатаны с несогласованной с переводчиками и ошибочной с их точки зрения правкой редакторов современного издания, и, в-третьих, «Пиром» в «совершенно неудовлетворительном», по убеждению Егунова, переводе Апта — внесенную в него правку Егунова издательство сочло «буквалистической» и в основном отвергло.

Если редактор издания Асмус не ставит «Избранные диалоги» в контекст «русского Платона», то заметки Егунова позволяют понять, в чем, с его точки зрения, состояла актуальность пере-перевода и какое место занимало новое издание в непрерывном для него — в отличие от нового поколения переводчиков и редакторов — ряду русских изданий Платона.

Как уже говорилось, Егунов отказался от переводов Жебелева как неудовлетворительных стилистически, а переводы Соловьева подверг критическому пересмотру и редактированию. Это никак не свидетельствует о «борьбе» с принципами предшествующих изданий, как было принято описывать смену переводческих подходов в советском

---

[40] Редакторское заключение Ошерова на книгу Платона «Избранные диалоги», 24 мая 1965 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 3; см. также письмо Егунову заместителя главного редактора издательства «Художественная литература», б. д. // Там же, л. 10—12; письмо Егунова Ошерову от 22 сент. 1965 г. и недатированный ответ последнего // Там же, ед. хр. 5017, л. 2—3.

Боровский также «справедливо вознегодовал» на внесенную в его перевод «Иона» издательскую правку и собирался обратиться «с “протестом” к директору издательства» (письмо Егунова Поляковой от 21 янв. 1966 г. // Архив Поляковой). Егунов и Боровский утешались тем, что переиздание их переводов в составе трехтомного «Собрания сочинений» Платона в издательстве «Мысль» будет более корректным. Что касается егуновского «Федра», то в издании «Мысли» часть замечаний Егунова была учтена, но при этом перевод был, как указано, «заново сверен А. А. Столяровым» и подвергся другой, довольно обширной, правке, вероятно не согласованной с переводчиком.

В архиве Егунова сохранился также рукописный листок, содержащий исправления в перевод Маркишем диалога «Горгий» для собрания сочинений Платона в издательстве «Мысль» — исправления эти имеют стилистический характер (Егунов отметил такие вульгаризирующие и неуместно русифицирующие текст обороты, как «ясное дело», «а сам-то ты кто?», «вскорости», «нынче», «дескать», «ежели», «на телегу взвалил» и др.) и в основном учтены не были.

переводоведении, а, напротив, говорит о преемственности. Редакторы издания Платона в «Academia» С. А. Жебелев и С. Э. Радлов в предисловии к первому тому объявили образцом для себя издание Вл. Соловьева — переводчика, «конгениального» Платону. Если бы труд Соловьева был завершен, писали они, новое издание не понадобилось бы[41]. Иными словами, издание «Academia» в большой степени представляло собой попытку продолжить издание Вл. Соловьева в его же духе.

Соловьев дал афористическую формулировку «среднего» пути в переводах Платона, которую цитируют как полностью ими разделяемую Жебелев и Радлов: переводчик должен «себя оплатонить, а Платона обрусить», пройти между «Сциллой неуместного сочинительства» и «Харибдой мертвого буквализма»[42]:

> Буквальность есть во всяком случае основа верного перевода, и отступать от нее позволительно только на достаточных основаниях. <...> Стремление к буквальности, или страх отступить от текста, есть, как и «страх Божий», непременное «начало премудрости» для благочестивого переводчика, — *конец* же этим не исчерпывается. Тут возникает новое, более сложное и тонкое требование: овладевши мыслию подлинника во всей полноте и точности ее выражения, нужно во всяком случае, представляющем какое-нибудь затруднение для буквальной передачи, ставить себе вопрос: *как* данный автор — скажем Платон — с особенностями своего духа, характера, стиля, образа мыслей, насколько все это нам исторически известно, — если б он знал по-русски и ему пришлось бы писать на этом языке, как выразил бы он на нем эту свою мысль с этими ее оттенками? Серьезная постановка этого вопроса и добросовестные усилия его практически решить, — т. е. усилия переводчика себя оплатонить, а Платона обрусить — или другими словами, входя в дух греческого автора, заставлять вместе с тем и его входить в дух русского языка — вот чем определяется настоящий путь хорошего, т. е. действительно точного и верного перевода. В нем должны нераздельно присутствовать явные признаки его двойного происхождения, из двух живых источников — греческой и русской речи[43].

---

[41] *Жебелев С. А., Радлов С. Э.* Предисловие // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 1; *Трубецкой С. Н., кн.* Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Владимира Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого. М.: К. Т. Солдатенков, 1903. Т. 2. С. IV.

[42] *Соловьев Вл.* Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Вл. Соловьева. М.: К. Т. Солдатенков, 1899. Т. 1. С. X—XI. Соловьев также нашел остроумный русский перевод известной итальянской поговорки «traduttore traditore»: «Переводчик, желающий верно *передать*, а не *предать* своего автора <...>» (Там же. С. X, курсив Соловьева).

[43] Там же. С. X—XI, курсив Вл. Соловьева. Жебелев и Радлов повторяют слова Соловьева с оговорками, учитывающими проблему непереводимости: переводчик должен стремиться передать «хотя бы отчасти, по мере сил и умения, внешнюю форму изложения Платона. Самое же главное, при всяком переводе, стремление должно состоять в том, чтобы он был верен», т. е. должен быть «точен, но не бук-

Потребность в пере-переводе, при общности базовых переводческих принципов, то есть, говоря языком старых русских переводчиков Платона, его «оживотворения»[44], возникает потому, что совершенствуются филологические представления о Платоне, эволюционирует русский язык (к современному состоянию которого необходимо приноравливать язык нового перевода) и, прежде всего, возникает актуальный момент прочитываемости Платона в принимающей культуре. Вл. Соловьев объяснял необходимость нового обращения к переводу Платона ростом философского образования в русском обществе: «...народился, вне профессиональной ученой среды, хотя не очень обшир-

вален, сохранять, по возможности, стиль подлинника, но не грешить против стиля русской речи» (*Жебелев С. А., Радлов Э. Л.* Предисловие. С. 6—7). Снятие противопоставления доместицирующего и форенизирующего подходов вообще характерно для всех предшествовавших, безусловно «добросовестных», по оценке Жебелева и Радлова (Там же. С. 1—2), попыток полного перевода сочинений Платона (И. Сидоровским и М. Пахомовым (1780—1785), В. Н. Карповым (1841—1879) и Вл. Соловьевым), метапереводческие экспликации из этих изданий редакторы «академического» издания также сочувственно цитируют в своем предисловии. Переводчики 1780-х годов сообщали: «Паче же всего прилагали мы крайнее тщание изобразить, коль можно точнее и вернее мысли писателевы, да и изъяснить оные тамо, где могла приметиться некая в них неясность: но при всем том ни мало не устранялись от подлинника» ([*Сидоровский И., Пахомов М.*] Предуведомление от переводивших // Творений велемудраго Платона часть первая, переложенная с греческаго языка на российский свящ. Иоанном Сидоровским и коллежским регистратором Матфием Пахомовым, находящимся при Обществе благородных девиц. СПб.: при Имп. Акад. Наук, 1780. С. XIII—XIV). В. Н. Карпов формулировал свой подход через отталкивание как от подстрочных, с параллельным оригинальным текстом, переводов греческих классиков И. И. Мартыновым (опубл. в 1823—1829 гг.), который «не считает нужным заботиться о чистоте и плавности того языка, на который книга переводится», так и от французского перифрастического переложения Виктора Кузена (1820—1827), который «нисколько не останавливается на особенностях и частных оттенках переводимой мысли»: такие переводы «не достигают своей цели — не усвояют народу образцовых произведений древности. Переводы буквальные почти всегда — мертвый капитал литературы, а перифрастические — почти вовсе бесполезны для читателей». Формулировка Карповым оснований «истинно хорошего перевода» — это тот же «средний» путь, что у Вл. Соловьева и других: в таком переводе должна быть «1) выражена мысль писателя, если можно, со всеми её оттенками, 2) сохранена чистота и естественность современной фразы на том языке, на который сочинение переводится» (*Карпов В. Н.* Предисловие (к первому изданию) // Сочинения Платона: в 6 т. / пер. В. Н. Карпова. СПб.: тип. духовн. журнала «Странник», 1863. Т. 1. С. V—VI). Карпов также фиксирует проблему непереводимости, лежащую в самом основании стремящегося к точности перевода: «...особенности двух языков, оригинальность Платоновых оборотов и выражений, множество поговорок и пословиц и в некоторых местах необходимая связь философской мысли с такими, а не другими греческими формами, коегде не позволяли мне держаться на своих основаниях и принуждали — то на минуту допустить перифраз, то отчасти изменить некоторым неважным требованиям родного языка» (Там же. С. VII).

[44] [*Сидоровский И., Пахомов М.*] Предуведомление от переводивших. С. XIV.

ный, но все-таки заметный круг людей с действительною и постоянною любознательностью к философским трудам. Для них *верный* перевод всего Платона был, конечно, нужен»[45]. Жебелев и Радлов, процитировав эти слова Соловьева, осторожно заметили: «...так ли обстоит дело теперь, по прошествии 25 лет, мы не знаем»[46]. Поскольку после революции «любознательность к философским трудам» среди читателей очевидным образом снизилась[47], редакторы «академического» издания мотивируют его актуальность, вторя словам Соловьева (в пересказе Трубецкого) о вечной ценности Платона, сохраняющейся даже в предапокалиптических обстоятельствах[48]: Платон как «учитель ищущих» «всегда будет и современен, и своевременен»[49]. Новый, первой половины 1960-х годов, перевод Егунов ориентирует на «непривычного русского читателя», т. е. советского читателя, который 40 лет не имел изданий Платона и не учился классическим языкам, для которого особенности философского стиля античного мыслителя являются «затрудняющими или удивляющими», который будет «шарахаться в недоумении» и «улыбаться в неподходящих местах»[50]. Для такого чи-

---

[45] *Соловьев Вл.* Предисловие. Т. 1. С. VI, курсив Соловьева.

[46] *Жебелев С. Э., Радлов Э. Л.* Предисловие. С. 5.

[47] Б. И. Ярхо в начале 1920-х иронически заметил: «Быстрыми и верными шагами приближаемся мы к тому времени, когда людей, получивших классическое образование, станут показывать на ярмарках, как ацтеков. А между тем еще очень нестарые люди помнят то время, когда античные авторы жили среди нас и в маломальски интеллигентном кругу о Виргилии говорили, как о старом знакомом, независимо от того, каково было отношение к нему на школьной скамье» (*Ярхо Б. И.* Предисловие // *Петроний Арбитр.* Сатирикон / пер. *** под ред. Б. И. Ярхо. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. С. 12).

[48] Трубецкой рассказывает, что во время работы над Платоном потрясающее впечатление на Соловьева произвели китайские события (т. е. Ихэтуаньское (Боксерское) восстание 1898—1901 годов), которые Соловьев и Трубецкой воспринимали как конец старой Европы. Как же при этом заниматься Платоном, если конец Европе настает? — спросил Трубецкой Соловьева полушутя. — «Этим стоит заниматься, — отвечал он, — надо, чтобы было еще, что брать!.. То, что сделано европейскими народами в области политической, в деле государственного и общественного устройства человеческих отношений, это погибнет, потому что построено на ложном основании и потому что христианство их мнимое... а делание греков было в области вечных форм истины и красоты... это останется» (*Трубецкой С. Н., кн.* Предисловие. С. III).

[49] *Жебелев С. А., Радлов Э. Л.* Предисловие. С. 6.

[50] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева. У «непривычного русского читателя» заглавие диалога «Пир», например, может вызвать «ассоциацию, навеянную посредственными историческими романами и живописью: чуть ли не оргия», поэтому Егунов предложил вариант «Симпосий», мотивируя это тем, что это слово уже вошло в современный советский научный быт, где использовалась латинизированная форма «симпозиум» для обозначения научных объединений, конференций («что вряд ли удачно, — не без иронии замечает Егунов, — т. к. этимологически Συμπόσιον со-питие, со-выпивка» (*Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта)). Неудовлетворительность принятого русского пере-

тателя Платона следует переводить «на обычный нам, средний, нейтральный, современный язык образованного общества, отказываясь от вульгаризмов и архаизмов <...>. Такова программа-минимум. А максимум был бы — но что говорить о максимуме...»[51].

В своих переводческих решениях Егунов постоянно и не без любопытства представлял реакции этого нового читателя, поскольку считал важным «прислушаться к русской речи и ее словоупотреблению»[52], то есть к речи современной (по тонкому замечанию Григория Дашевского, советский мир присутствует у Егунова «не как тема, а как словарь»[53]). Так, решая сложную проблему перевода терминов, касающихся любви, в «Пире» и «Федре», Егунов советовал отказаться от слова «любовник», так как «в современном русском языке оно если и употребляется, то только в пошлом смысле, густо окрашенное бытом. Впрочем, оно теперь редкость»[54]. Тогда как для перевода «νεανίας» теперь вполне можно употреблять русское «юноша», поскольку с ним «произошла на нашей памяти метаморфоза. Лет 50 тому назад оно было чисто поэтическим, невозможным в разговоре (разве иронически) и в деловой прозе. Теперь оно потеряло поэтическую окраску (можно видеть объявления: “производится набор юношей и девушек от 16 лет...”, “принимаются юноши и девушки...”). Эта метаморфоза очень на руку переводчикам Платона: νεανίας можно теперь смело переводить как “юноша”»[55]. Предлагая в «Пире» отказаться от именования Афродиты пандемос (πάνδημος) «всенародной», как у Карпова, Городецкого и Жебелева, Егунов мотивирует это тем, что «у нас слово “всенародный” имеет положительный оттенок: “всенародный праздник”, “всенародное одобрение”»[56].

вода заглавия диалога отмечалась и предшественниками Егунова: Вл. Соловьев именовал его «Пиршество», С. А. Жебелев, сохранив вариант «Пир», отметил, что он «не передает вполне точно Συμπόσιον»: «...этот термин служил для обозначения той части вечерней (преимущественно званой) трапезы у греков <...>, когда подавалось вино, в противоположность предшествующей части трапезы, когда вина не пили» (*Жебелев С. А.* Введение [к переводу диалога Платона «Пир»] // Творения Платона. Пб.: Academia, 1922. Т. V. С. 3).

[51] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева.

[52] *Егунов А. Н.* Заметки к переводу Платона («Пир») // Архив Егунова.

[53] *Дашевский Г.* Россия или ад // Коммерсантъ Weekend. 2008. 19 окт. (https://www.kommersant.ru/doc/1026516).

[54] *Егунов А. Н.* Заметки к переводу Платона («Пир»).

[55] Там же.

[56] Там же. Егунов рассматривал вариант «вульгарная», однако не стал его рекомендовать, так как «по общему правилу в переводах из древних, тем более из греческих авторов, нельзя употреблять вошедших в русский язык слов латинского и французского происхождения (например: “момент”, “факт”, “принцип”, хотя это сильно облегчило бы дело), так как они слишком прозаичны <...>» (Там же), и предложил «обыденная». Апт, вероятно учтя мотивированную Егуновым непригодность в новом современном речевом контексте слова «всенародный», назвал в своем переводе Афродиту «пошлой».

Другой пример ориентации Егуновым новых требований к переводу на современный языковой узус — те места диалога «Протагор», где речь идет о добродетели и добродетелях и употребляется (в переводе Вл. Соловьева) слово «добродетель». Егунов дает целый экскурс в историю этого слова в русском языке начиная с XVIII века, с этимологическими и сравнительно-культурными соображениями, но прежде всего учитывает, что «слово “добродетель” в нашем современном русском языке не употребляется <...> попробуйте в наше время сказать о ком-нибудь, что она “добродетельна” — всякий поймет, что это в лучшем случае добродушная шутка, а в худшем — злая ирония»[57]. «От “добродетели” при переводе Платона (за редкими исключениями), — считает Егунов, — надо отказаться, потому что слова ἀρετή и “добродетель” не равны друг другу и для слова ἀρετή по-русски нет эквивалента, а придумать (изобрести) его мы не в состоянии»[58], и предлагает вариант «доблесть», апеллируя к блоковскому «О доблестях, о подвигах, о славе» и, прежде всего, к современному публицистическому языку: «...“наша доблестная армия”, “доблестное поведение наших войск”, “он проявил доблесть” и т. п. Можно “воспитать доблесть в наших воинах” (это уже близко к тому, о чем речь в “Протагоре”)»[59].

Ориентируясь на менее культурного читателя, Егунов был при этом, видимо, искренне убежден, что за прошедшие с последнего русского издания Платона четыре десятилетия значительно усовершенствовалась «техника переводческого дела» (и поэтому, как ему казалось, аптовский перевод «Пира» «с его резким несоответствием подлиннику, является в наши дни, к счастью, большой редкостью»)[60] и, следовательно, старые переводы необходимо подвергнуть соответствующему улучшению. Однако знакомство с новым переводом Апта, который считался одним из лучших переводчиков своего поколения, и правка, которой издательские редакторы подвергли егуновский перевод «Федра», показали, что это было не так. Несколько утрируя, можно сказать, что в новой норме оказались соединены и до гротеска

[57] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева.

[58] Там же.

[59] Там же. Егунов с удовольствием отметил, что М. Соловьев в переводе «Апологии Сократа» кое-где, «руководствуясь здравым чутьем русского языка», сменил «добродетель» на «доблесть» (*Егунов А. Н.* Заметки к переводу «Апологии Сократа») и сам в финале своего пробного перевода речи Павсания из «Пира» последовательно исправил ἀρετή, первоначально переведенное им как «добродетель», на «доблесть»: «...добровольное рабское служение <...> есть служение [добродетели] доблести», «знаний или любой другой отрасли [добродетели] доблести», «любви к мудрости и всяческой [добродетели] доблести», «дурной человек, не обладающий [добродетелью] доблестью», «ради [добродетели] доблести и собственного усовершенствования», «заботиться о своей [добродетельности] доблести». В переводе Апта предложение Егунова было в основном учтено (см.: *Платон*. Избранные диалоги. М.: Худож. лит., 1965. С. 133—134).

[60] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта.

усугублены все дефекты, которые Егунов исправлял в старых переводах: «суконный язык, расцвеченный фальшивыми блестками “народности”», ошибки и вольности[61].

Егунов отметил в переводе Апта многочисленные случаи непонимания греческого текста и ошибки в русском языке, а также следы опоры не столько на греческий подлинник, сколько на немецкий перевод-посредник Ф. Шлейермахера.

Невозможность «использования выражений, проникших в русский язык из чуждых античности культурно-исторических формаций»[62] Егунов считал общеизвестным правилом и старательно убирал их из «Пира» в переводе Апта:

> ...выражение «говоря по чести» <...> относится к западноевропейскому, рыцарскому лексикону. «Отпустить с миром» <...> — к библейскому. <...> выражение «у них (у беотийцев) язык плохо подвешен» (вообще ошибочное, так как по-русски можно сказать только «хорошо подвешен») обязано своим происхождением церковным колоколам (язык колокола). В оригинально-русском произведении подобные выражения, правда, употребляются в их стертом значении, но в переводном, относящемся к античности, они невольно освежаются (благодаря несвойственному им контексту) и получается культурно-исторический языковой анахронизм. <...> Опасно употреблять и такое, опять-таки стертое в наши дни выражение, как «бросить на произвол судьбы» <...> потому что читатель может понять, будто здесь выражено греческое выражение о судьбе[63].

Тем обиднее было ему видеть, что редакторы внесли в его перевод «Федра» именно такие ошибки:

Ошибочно	Надо
...в минуту опьянения... (с. 222)[64]	Греки не знали деления часа на минуты. Правда, в современном русском словоупотреблении значение слова «минута» уже стерлось, это уже не 1/60 часа, а просто небольшой отрезок времени. Но стоит вложить это слово в уста древнего грека, как первоначальное значение слова «минута» освежается. Кроме того, в данном тексте это неверно и в том отношении, что состояние одержимости вакханок здесь предполагается не минутным, а более продолжительным.
...неосознанное... бессознательное... (с. 236)	Неосторожный перевод: опасно вводить эти понятия — модернизация. Надо: неразумное, не подчиненное рассудку.

[61] Там же.
[62] Там же.
[63] Там же.
[64] Егунов указывает номера страниц по изданию «Избранных диалогов» Платона.

...о «Музее слов»... (с. 238)	Слово «музей» в этом смысле стало возможным лишь в эллинистическую эпоху. Надо: словесное святилище Муз.
«правила красноречия» (с. 241), «по правилам искусства» (с. 242), «по законам искусства» (с. 245, 252)	Вот ошибка чреватая последствиями: перевод вводит читателей в заблуждение: занимающиеся историей литературы, эстетики и т. д., но не знающие греческого подлинника, будут ссылаться на это место, полагая, что Платон говорил о каких-то правилах и законах искусства, между тем на самом деле у него этого нет. Платон не Буало: ему чужда нормативная поэтика[65].

Обнаружив у Апта «особое пристрастие <...> к фольклорно-русским, частью устаревшим, частью относящимся к просторечью выражениям и присловьям», как «охочи», «чаял», «веки вечные», «распрекрасный», «вино лилось рекой», «пока суд да дело», «поучить уму-разуму», «а на нет и суда нет», «рачительная любовь», «не ударит лицом в грязь», «масть к масти подбирается», «касаясь всей своей статью», «за мной дело не станет» и проч., — «получается совершенная нелепость: те слои русского населения, где бытовали выражения вроде “охочи” и т. п. <...> никак не могли возлежать на ложах и вести беседы об Эроте и Афродите»[66], — Егунов счел это курьезным единичным воскрешением «давно забракованных и сданных в архив приемов перевода», вроде «Пира Тримальхиона» в переводе И. И. Холодняка[67], который заставил древних римлян «выражаться русскими присловьями, что вызвало тогда же резкое осуждение со стороны и филологов и литературных критиков»[68]. Однако редакторы «Художественной литературы» последовательно практиковали эту «совершенно превратную», с точки зрения Егунова, «теорию так называемого “оживления”, достигаемого безвкусным употреблением просторечья для перевода Платона», и не только в основном отвергли в этой части правку Егуновым перевода Апта, но и внесли в его перевод «Федра»,

[65] *Егунов А. Н.* Ошибки в переводе диалога «Федр», напечатанном в «Избранных диалогах» Платона. М., 1965, изд-во «Художественная литература» // Архив Егунова.

[66] У Апта Егунов отмечает нелепое соединение старинно-фольклорных русских выражений с архаизмами высокого поэтического стиля и современным просторечием, в результате чего происходит «общее снижение тона диалога — своего рода модернизация в сторону серости, обыденности», «речевая характеристика персонажей не соответствует ни их социальному положению, ни их образованности» и, кроме того, из текста исчезает вся красота чистейшего аттического языка прозы Платона (*Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта).

[67] См.: *Петроний Арбитр.* На ужине у Трималхиона: (Отрывок из Satyricon) / пер. И. И. Холодняка // Филологическое обозрение. 1900. Т. XVIII. Приложение. Отд. изд.: 1900.

[68] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта.

как удрученно заметил Егунов, разнообразные «неужто, коли, дескать, мол, этак, вскорости, ладно, покамест, в первую голову, в первую очередь, смекни, невдомек, куда сложней, ясное дело, нынче, невесть какой, боязно, наутек, любезный, почтеннейший и т. п.»[69].

Приступая к работе над ориентированным на широкого читателя изданием Платона, Егунов считал, что перед ним поставлена задача приведения русских переводов Платона к среднему, нейтральному языку современного образованного общества, — это будет, конечно, язык несколько «оголенный», утративший живость, но «из двух зол это меньшее: уж лучше дистиллированная вода, раз нет ключевой, чем русский квас»[70]. При этом он полагал, что «изменились за полстолетия <...> требования, предъявляемые к переводам, — в наше время они строже, и переводческая сноровка (τέχνη) с тех пор усовершенствовалась»[71]. Однако обнаружилось, что новая переводческая и редакторская норма формулируется иначе: «модернизация в сторону серости»[72]. В рецензии на монографию Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» (М.; Л.: Наука, 1964) С. В. Полякова отметила, что предпринятое в ней рассмотрение предмета «на широком фоне научного и поэтического восприятия автора <...> с учетом западного материала в русской научной литературе не знает предшественников. <...> Разносторонняя эрудиция автора и редкое в наши дни мастерство филологического анализа пленяют читающего <...> книга настолько свежа и непохожа на обычные литературоведческие исследования, что это вполне естественно — в ней нов материал, новы интерпретации, своеобычна манера изложения»[73]. Книга действительно непохожа на отечественную послевоенную научную продукцию в большой степени, вероятно, потому, что годы плена и лагеря, когда Егунов был изолирован от научной жизни, парадоксальным образом освободили его от травмирующего опыта «борьбы с космополитизмом» и прочих погромных послевоенных идеологических кампаний, приучивших деятелей отечественной науки к страху и компромиссам[74]. Егунов же сохранил стиль и свободу научного мышления 1920—1930-х годов. Аналогичным образом в области перевода совершенно мимо него прошли послевоенная борьба с «буквализмом»[75] и сформи-

[69] *Егунов А. Н.* Ошибки в переводе диалога «Федр».

[70] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева.

[71] *Егунов А. Н.* Заметки к переводу «Апологии Сократа».

[72] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта.

[73] Вестник древней истории. 1965. № 3. С. 156—157. См. также: *Завьялов С.* Гомер в качестве государственного обвинителя на процессе по делу русской поэзии: (о книге А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков») // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 (2). С. 194—199.

[74] См.: *Дружинин П.* Идеология и филология: документальное исследование: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

[75] См.: *Азов А. Г.* Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920—1960-е годы. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013.

ровавшаяся привычка к доместицирующему переводу, «не точному, но верному», которые сначала привели к примитивизации метапереводческой рефлексии, а потом, в середине 1950-х, к реакции на выхолощенную языковую норму советских переводов предшествующего десятилетия, выразившуюся в стремлении расширить палитру литературного языка в переводе, в частности, за счет просторечия и даже русизмов[76]. Место Егунова в послевоенном научном мире, где он был «выходцем с того света», может быть иллюстрировано одним из его собственных коллажей, который он, по воспоминаниям Всеволода Петрова, показал, вернувшись в 1933 году из первой ссылки, Михаилу Кузмину:

> — Я комбинирую, — объяснил Егунов. — Например, вы помните картину Репина «Не ждали»? Там в двери входит бывший арестант, вроде меня, возвращенный из ссылки. Я подобрал по размеру и на его место вклеил Лаокоона со змеями.
>
> Мы вообразили картину Репина с Лаокооном.
>
> — Да, — сказал Михаил Алексеевич. — Действительно не ждали![77]

Приложение 1

[Письмо А. Н. Егунова редактору тома «Избранных диалогов» Платона С. А. Ошерову с отзывом на перевод «Пира» И. Д. Городецким]

В Вашем письме Вы указали, что желательно начать работу с перевода Городецкого[78]. Я так и сделал, не дожидаясь получения машинописного текста: книжка Городецкого имелась у меня, хотя до сих пор я и не удосужился ее прочесть. При попытке редактирования меня охватили мрачные сомнения с первых же страниц.

В самом деле, в первой же строчке ошибка: двойное отрицание (litotes) означает по-гречески усиленное подтверждение: οὐκ ἀμελέτητος = «вполне подготовлен», а у Городецкого — «отчасти подготовлен». Понимаю, что это «вполне» можно опустить по стилистическим соображениям, тем более, что оно покрывается понятием «уже́», но «отчасти» — ошибочно.

---

[76] См, в частности, статью С. В. Петрова, замечательного поэта и переводчика, «О пользе просторечия» в изд.: Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1962. Сб. 2. С. 71—96; об обсуждении доклада Петрова на эту же тему, прочитанного в 1958 г. в Ленинграде, см.: *Беккер М.* Дискуссия о просторечии // Там же. С. 487—490.

[77] *Петров Вс. Н.* Калиостро: (воспоминания и мысли о М. А. Кузмине) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. № 163. С. 83.

[78] *Платон.* Пир: беседа о любви / пер. с греч. И. Д. Городецкого. М.: Дилетант, 1908.

Городецкий вводит не имеющее соответствия в подлиннике развязное «видите ли». Произвольно вставлено «подойдя ко мне» или «милый» (Главкон).

Вульгарно: «какие-такие речи», «балагурить». Русское идиоматическое выражение «бить баклуши» нисколько не соответствует афинскому быту, где дерева было мало (баклуши — см. словарь Даля).

С этим контрастирует канцелярское «докладывать о речах». Вслед за Карповым Городецкий придает восклицанию Главкона почему-то оттенок иронического сетования: «Ох, этот...».

Словом, перевод начала диалога очень уязвим. Но я задал себе вопрос, не слишком ли произвольно строго подошел я к Городецкому?

Отложив Городецкого, я дождался получения переводов братьев Соловьевых: их переводы должны невольно установить тот уровень, с которым можно сравнивать и Городецкого и те переводы, которые еще предстоит сделать (при допущении, конечно, и некоторой индивидуализации переводов). Таким путем можно иметь более объективное мерило для всех переводов сборника. После ретуширования переводов Соловьевых я опять вернулся к Городецкому, решив взять из него цельный кусок довольно большого объема из середины. Я выбрал речь Павсания. Она очень нелегка для перевода и синтаксически (под конец), и своим разговорным тоном, и, главное, полнейшим несходством разбираемых там явлений с тем, что принято у нас, из чего проистекают величайшие терминологические затруднения. Перечислять недочеты перевода Городецкого было бы слишком долго (ср. в машинописи все отчеркнутое карандашом)[79] — они очевидны. Беда в том, что ретуширование, поправки и изменения, требующиеся при редактировании перевода Городецкого, так многочисленны и велики, что уже не вмещаются в его текст, и приходится переписывать все заново, страницу за страницей. Это уже вряд ли можно назвать редактированием. Но делать иначе не позволяет переводческая совесть: в пошлом и развязном изложении Городецкого Платон пропадает, а у русского читателя от изумления могут «глаза на лоб вылезть» (выражаясь стилем Городецкого). Сглаживать, конечно, ничего не надо (как это делали в старину знаменитые западноевропейские переводчики «Пира» — Расин и Шелли)[80], но греческий подлинник много сдержаннее, чем

[79] Машинописная копия перевода Городецкого с пометами Егунова в архиве последнего не отложилась. Некоторое представление о них можно составить, сравнив перевод речи Павсания Городецким и Егуновым.

[80] Имеются в виду переводы «Пира», выполненные знаменитыми европейскими авторами: французским драматургом Жаном Расином (1639—1699; неоконченный перевод под названием «Le Banquet» был опубликован посмертно, в 1732 г.) и английским поэтом Перси Бишем Шелли (1792—1822; перевод под заглавием «The Banquet» выполнен 1818 г.; впервые опубликован в 1840 г. Мэри Шелли и Ли Хантом в значительно отредактированном, сглаженном виде; изначальная версия перевода увидела свет только в 1931 г.).

это выходит у Городецкого. Ср. его «отдаваться», «похоть», пошлое «дарить ласки». Ужасны (а частью и неверны) его русизмы «очертя голову», «обивая пороги», «сходит с рук», «дают много воли», ироническое «эти господа». Неверен его русский язык в выражениях «благодаря порочности», «благодаря деспотизму», «выше всякой критики» (хотя по-русски только «ниже»...). Иногда у него «ибо», а между тем «внести поправку», «поставлена тема», «надзиратели» (!). Ну, и т. д. и т. д. Слога (русского) у него нет, а языковая неряшливость доходит до комизма, речь Павсания кончается у него так: «вот что могу предложить тебе о любви без приготовления» (любовь без приготовления?). Его перевод не годится — я прихожу к такому выводу[81].

Впрочем, такой вывод получается и сам собой: применяя при редактировании перевода Городецкого те же принципы, что и при редактировании переводов В. и М. Соловьевых, предъявляя к нему те же самые требования, без послаблений, я вижу, что от тривиального перевода Городецкого остается так мало, что отредактированный таким образом текст невозможно считать переводом Городецкого. В самом деле, остаются лишь некоторые слова и выражения, которые можно встретить в таком же количестве и в переводах Карпова, Жебелева, Пресса, что естественно, раз это переводы одного и того же произведения. Выдавать же невольно получающийся при редактировании свой собственный перевод за перевод Городецкого нет никаких причин.

Пока позволяет время, следует поручить сделать новый перевод — желательно, по-моему, кому-нибудь из младшего поколения, чтобы в однотомнике Платона фигурировали бы на паритетных началах и старики и молодежь, — это показало бы, что Платон — дело не только «ископаемых». Этому будущему переводчику можно передать листки с моими опытами редактирования перевода Городецкого. В качестве материала, подлежащего дальнейшему усовершенствованию.

---

[81] В утешение Городецкому можно было бы сказать, что и другие имеющиеся русские переводы «Пира» не лучше (я все их сравнил, т. е. переводы Карпова, Аркадия Пресса, Жебелева и даже самый первый, любопытный анонимный русский перевод (с французского) в журнале «Утренний Свет», ч. V, СПб., 1779 г. Взятый под филологическую лупу перевод С. А. Жебелева — крупного ученого и прекрасного человека, о котором я храню благоговейную память, — надо сказать все-таки прямо — нисколько не лучше, хотя страдает уже другими недостатками, чем Городецкий. С. А. Жебелев, занимаясь вспомогательными к истории дисциплинами, был чужд вопросам литературного перевода. Он вносит кавычки (например: «в темную») в текст Платона, а в двух местах (183в, под конец; 184е, под конец), у него, как ни странно, прямо ошибки, а 184в передано сбивчиво. — *Прим. Егунова.*

Приложение 2

А. Н. Егунов. Заметки к переводу Платона («Пир»)

1. Многосоюзие, т. е. то синтаксическое явление, что чуть ли не каждое предложение связывается с предшествовавшим при помощи союза, может быть в переводе опущено, так как это не столько относится к стилю Платона, сколько является свойством греческой прозы вообще, правда, подчеркнутым Платоном вследствие его логически-философского уклона. Язык Платона — язык образованного общества, афинской «элиты», если же передавать многосоюзие, то получится по-русски как раз обратная социальная окрашенность языка, так как у нас многосоюзие свойственно простонародному, необработанному языку: я-то, он-то, и вот, потому как, и т. д. Передавать союзы следует только там, где это действительно необходимо логически.

2. Единственное и множественное число существительных могут применяться одно взамен другого для легкости русского слога, если это не нарушает смысла, например: «обычаи» вместо «обычай» (и обратно), «влюбленному», а не «влюбленным» и т. п., в каждом отдельном случае это зависит от фразы и всего контекста. В литературном переводе не может быть школьного педантизма.

3. πάνδημος в наше время уже нельзя переводить как «всенародный»: у Платона πάνδημος означает «вульгарный». Хотя по общему правилу в переводах из древних, тем более из греческих авторов нельзя употреблять вошедших в русский язык слов латинского и французского происхождения (например: «момент», «факт», «принцип» — хотя это сильно облегчило бы дело), так как они слишком прозаичны, но, может быть, для слова «вульгарный» сделать исключение? Не решившись на это, я передаю πάνδημος как «обыденный». В переводе должен сохраниться в этом слове отрицательный оттенок, приданный ему Платоном (аристократом, с отвращением относившимся к «плебсу», к афинской демократии). Между тем у нас слово «всенародный» имеет положительный оттенок: «всенародный праздник», «всенародное одобрение».

4. Может быть, обновить само заглавие диалога Συμπόσιον? «Пиршество» красиво, но архаично. «Пир» — так передают обычно. Но у русского читателя при слове «пир» (античный) появляется ассоциация, навеянная посредственными историческими романами и живописью: чуть ли не оргия. Тут ничего такого у Платона нет — обстановка скромная, если это и пир, то скорее в переносном смысле: «пир идей», «роскошество идей и их словесного воплощения».

«Пирушка» — невозможно, это совершенно вульгарно. В наши дни в русский язык стало проникать это греческое слово в латинизированной форме «симпозиум» для обозначения научных объединений,

конференций (что вряд ли удачно, т. к. этимологически συμπόσιον — со-питие, со-выпивка).

Что если оставить для нашего перевода — «Симпосий»? Оно будет неясно читателю до прочтения диалога, зато не родит ассоциаций.

Если же выбирать между «Пир» и «Пиршество», я скорее склонялся бы в сторону более поэтического «Пиршество».

5. Наконец — last but not least — очень затруднительны при переводе «Пира» (и «Федра», так что продумывание этого пункта является у меня подготовкой к моему переводу «Федра») все термины, касающиеся любви. Здесь прежде всего надо прислушаться к русской речи и ее словоупотреблению. Переводчика касаются особенно причастия от этого глагола. Прежде всего, причастия вообще книжная форма, в разговоре она применяется реже: вместо «читающий книгу», «читавший книгу» чаще: «тот, кто читает, читал». Страдательные причастия совсем не свойственны разговорной речи: вместо «читаемая книга», конечно, «та, которую читают». Между тем, язык Платона вполне разговорный и причастия вообще звучали легко по-гречески, поэтому русский переводчик должен быть с ними осторожен, чтобы не отяжелить перевода. «Любящий» должно непременно иметь при себе дополнение (кого, что), иначе выходит шероховато, вроде таких выражений «любящие стараются...», «любящий прибегает к...». Это нехорошо по-русски. Этого можно избежать, переводя ὁ ἐρῶν не как «любящий», а как «влюбленный» — фраза почти всегда становится легче, да это и лучше передает оттенок смысла.

ἐράω — любить (страстно, «эротически»)
φιλέω — <любить> по-дружески, иметь склонность
ἀγαπάω — <любить> т. е. ценить, довольствоваться.

Слово «любовник» при переводе Платона совершенно должно быть исключено, так как в современном русском языке оно если и употребляется, то только в пошлом смысле, густо окрашенное бытом. Впрочем, оно теперь редкость. В XVIII веке оно у нас употреблялось и в возвышенном смысле, для перевода французского amant, например, как определение при перечислении действующих лиц ложноклассических трагедий. Теперь оно неуместно. Уж лучше повысить в крайнем случае стиль и взять слово «возлюбленный», но я и его всячески избегал. Для τὰ παιδικά ни по-русски, ни на одном новом языке нет соответствия. Приходится переводить, смотря как удобнее по контексту, то «любимый», то просто «юноша».

Кстати, со словом «юноша» произошла на нашей памяти метаморфоза. Лет 50 тому назад оно было чисто поэтическим, невозможным в разговоре (разве иронически) и в деловой прозе. Теперь оно потеряло ироническую окраску (можно видеть объявления: «производится набор юношей и девушек от 16 лет...», «принимаются юноши и девушки...»). Эта метаморфоза очень на руку переводчикам Платона: παῖς можно теперь смело переводить как «юноша».

Слова «мальчик» следует избегать. Так как оно обозначает и малых детей, то текст Платона иногда понимали превратно, между тем как он как раз оберегает малолетних.

Непреодолимая трудность — передача слова παῖς применительно к слуге, рабу: прямо не знаю, как тут быть. Конечно, не годится «мальчик», т. к. речь идет о взрослом. Ужасно, как у Вл. Соловьева «эй, малый», словно дело происходит в русском трактире. Приходится, пожалуй, за неимением лучшего, остановиться на несколько необычном «прислужник».

Приложение 3

А. Н. Егунов. «Пир» Платона в переводе С. Апта[82]

I

Переводчик недостаточно внимателен к греческому тексту. Так, например:

1) 173a (стр. 2 машинописи) ἦ ὀτουοῦν[83] оставлено переводчиком без внимания.
2) 174a (стр. 4) ὅτι[84] citativum, а не косвенная речь
3) 175a (стр. 6) то же самое[85]

---

[82] Машинопись перевода Апта с правкой Егунова хранится в: РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5201, л. 265—336. Там же (л. 190—260) находится другой экземпляр той же машинописи с правкой, сделанной другой рукой (вероятно, С. А. Ошерова), обнаруживающий значительную близость к переводу, изданному в «Избранных диалогах». Далее ссылки на машинопись перевода Апта с правкой Егунова даются следующим образом: первоначальный вариант Апта обозначается: Апт, с указанием номера листа; правка Егунова — Егунов, без указания номера листа (так как он совпадает с предыдущим). Если приводится только исправленный Егуновым вариант, то указывается: Егунов, с указанием номера листа. Приводимые для сравнения ссылки на издание «Избранных диалогов» Платона (М.: Худож. лит., 1965) даются с сокращением: ИД и указанием страницы.

[83] «Чем кто-либо» (*др.-греч.*). «...влачил самое жалкое существование, такое же, как ты теперь» (Апт. Л. 266) — «...я был жалким, хуже кого угодно, не менее чем ты теперь» (Егунов) — «...был жалок, как любой из вас» (ИД. С. 119).

[84] Местоимение «что», в данном случае вводящее прямую речь. В первоначальном варианте перевода Апта слова Сократа были переведены в косвенную речь: «...тот ответил, что идет на обед к Агафону» (Апт. Л. 268), правка Егунова: «Сократ сказал: — На ужин к Агафону» (Егунов) — в опубликованной версии прямая речь восстановлена (ИД. С. 120—121).

[85] «...а другой раб тем временем вернулся и доложил, что Сократ наш, направившись в обратную сторону, остановился в сенях соседнего дома и отказывается идти на его зов» (Апт. Л. 270) — «...кто-то другой из прислуги вернулся и доложил: — Сократ, этот самый, повернув назад, стоит в дверях у наших соседей, я его звал, а он не хочет войти сюда» (Егунов) — «а другой раб тем временем вернулся

4) 177 (стр. 9) τούτῳ ἔρανον[86] относится к Федру, а не к Эроту
5) 178a (стр. 10) ἐν τοῖς[87] при Superlativ'e, редкое грамматическое явление, не понято переводчиком
6) 178c (стр. 10) то же самое[88]
7) 179c (стр. 11) ἀποδεῖξαι[89] ошибочно переведено «кажутся», что меняет смысл
8) 182a (стр. 15) Отрицание οὐ надо отнести к κοσμίως[90], а не к глаголу. Смысл искажен
9) 196 (стр. 33) Спутано κρατῶν и κρεῖττων[91]

и доложил: Сократ, мол, повернул назад и теперь стоит в сенях соседнего дома, а на зов идти отказывается» (ИД. С. 122).

[86] «Приношение ему» (*др.-греч.*). «Федр, мне кажется, прав. А поэтому мне хотелось бы отдать должное Эроту и доставить ему удовольствие» (Апт. Л. 273) — «Федр, мне кажется, прав, поэтому мне хотелось бы внести мой вклад и оказать ему любезность» (Егунов) — «А поэтому мне хотелось бы отдать должное Федру» (ИД. С. 125).

[87] Устойчивая фраза, используемая для усиления перед прилагательным в превосходной степени, с которым не согласуется грамматически. «...почетно принадлежать к древнейшим богам» (Апт. Л. 274) — «...почетно быть бесспорно древнейшим богом» (Егунов, с грамматическим комментарием на полях: «Ошибка: ἐν τοῖς при Superlativ'e = longe, multo») — «...почетно быть древнейшим богом» (ИД. С. 126).

[88] «...весьма многие сходятся на том, что Эрот — это один из древнейших богов» (Апт. Л. 274) — «...многие сходятся на том, что Эрот — бесспорно древнейший бог» (Егунов) — «...весьма многие сходятся на том, что Эрот — бог древнейший» (ИД. С. 126).

[89] «Явили себя» (*др.-греч.*). Платон пересказывает миф об Алкестиде, которая согласилась умереть вместо своего мужа Адмета, тогда как его собственные родители не пожелали этого совершить. «Благодаря своей любви она настолько превзошла их в привязанности к их сыну, что они кажутся чужими ему людьми, которые только числятся его родственниками» (Апт. Л. 275) — «Своей любовью она настолько превзошла их в привязанности к их сыну, что доказала, как чужды они ему, лишь по названию родственники» (Егунов) — «... они только считаются его родственниками, а на самом деле — чужие ему люди» (ИД. С. 127).

[90] «Упорядоченно» (*др.-греч.*). «...ибо никакое дело, если только оно делается пристойно и благообразно, не может заслужить порицанья» (Апт. Л. 279) — «...потому что все, что свершается непристойно и беззаконно, по справедливости заслуживает порицания» (Егунов). Сам Егунов предлагает следующий перевод: «...все, что делается беспорядочно и беззаконно, вызывает справедливое порицание» (пер. фрагмента «Речь Павсания» из «Пира» (Архив Егунова), опубл.: Андрей Николаевич Егунов: рукописное наследие. С. 54—60). В изданном варианте перевода Апта смысловое искажение исправлено: «...любое дело, если только оно делается непристойно и безобразно, не может не заслужить порицанья» (ИД. С. 130).

[91] «Владеющий» и «более сильный» (*др.-греч.*). «...и будучи, следовательно, сильнее того, кто храбрей остальных, Эрот должен быть признан самым большим храбрецом» (Апт. Л. 297) — «...владея тем, кто храбрее всех, Эрот должен быть самым большим храбрецом» (Егунов) — «Эрот, раз он сильнее того, кто храбрей всех (т. е. Ареса. — *А. В., М. Б.*), должен быть самым большим храбрецом» (ИД. С. 148).

10) 201e (стр. 41) κατὰ τὸν ἐμόν λόγον[92] — κατὰ cum Accusativo, а не cum Gen., как переводит наш переводчик — ошибка против самых элементарных правил грамматики.

Все эти мелкие недочеты, недосмотры и ошибки, хотя и крайне досадны, но все же легко поддаются исправлению. Хуже обстоит дело с русским языком данного перевода.

II

Отложим в сторону подлинник и станем в положение читателя, которому подлинник недоступен (а ведь для такого читателя и делается перевод) и который впервые знакомится с Платоном по данному переводу. В каком же виде предстанет перед таким читателем прославленный диалог Платона? На первой же странице, 4-я строка сверху, читателя поражает выражение

«Фалера тебе в бок»,

что для русского уха звучит как «холера тебе в бок»[93]; читатель сразу приходит к выводу, что, видно, и в древней Греции была своего рода

---

[92] «Согласно моему слову» (*др.-греч.*). «...он, вопреки моим утверждениям, совсем не прекрасен и вовсе не благороден» (Апт. Л. 305) — «...по моему же утверждению, Эрот и не прекрасен и не приносит добра» (Егунов) — «...он (т. е. Эрот. — *А. В., М. Б.*), вопреки моим утверждениям, совсем не прекрасен и вовсе не благороден» (ИД. С. 156).

[93] Мы не знаем, на каком ученом толковании основывался переводчик, переводя именно так. Ср. переданную мною в изд-во заметку для комментатора этого диалога. — *Прим. Егунова.*

«Фалерский житель, Аполлодор, не подождешь ли?» (Егунов. Л. 191) — «...Аполлодор, фалерский житель, погоди-ка!» (ИД. С. 118). В собственном пробном переводе этого пассажа из «Пира» Егунов предложил другой вариант: «Случилось мне позавчера идти в город из дому, из Фалера, а кто-то из моих знакомых, завидев меня сзади, окликнул издали, да еще и пошутил: — Что за фалериец этот Аполлодор», с примечанием: «По созвучию слов Φαλαρεύς — фалариец, т. е. житель Фалера, φάλαρος — “с белыми пятнами”, “глянцевитый” и φαλαρίς — “птица-лысуха” в этой шутке намек на лысину Аполлодора» (*Егунов А. Н.* Наметка перевода. Симпосий. Аполлодор и его друг // Архив Егунова), однако, учитывая научно-популярный характер издания, решил его изменить и оставить без комментария: «...филологи спорят, в чем здесь, собственно говоря, шутка. Одни усматривают ее в созвучии слов φαλαρεύς (фалариец), φάλαρος — с белыми пятнами, глянцевитый, и φαλαρίς — птица-лысуха и подозревают в этой шутке намек якобы на лысину Аполлодора (такой комм. к этому пассажу дал сам Егунов, а также Жебелев (Полн. собр. творений Платона. Т. 5. С. 76). — *М. Б., А. В.*). Другие обращают внимание на то, что здесь вместо Vocativ'a — Nominativ, что придает обращению несколько официальный характер и было бы со стороны приятеля легкой шуткой, как если бы кто, встретив в Москве своего знакомого, о котором известно, что он постоянно живет в Серпухове, воскликнул: “Серпуховец, Иван Петрович, ты ли это?” Мой перевод “Фалерский житель, Аполлодор, не подождешь ли?” основан на таком понимании. В нашем — научно-популярном — издании неуместно вдаваться в филологические изыскания, текст в моем переводе понятен, так что примеча-

«шпана». На той же, первой, странице читатель встречает такие слова, как

«осведомитель» (??)[94],

«впрямь»[95],

«дотоле»[96].

После этого читатель, вероятно, бросит читать дальше — переводчик сумел отпугнуть его от Платона.

III

Пестрота слога, лексический разнобой — характерная черта не только первой страницы, но и всего данного перевода в целом. Еще хуже, однако, то, что в переводе встречаются прямые ошибки против русского языка, свидетельствующие, что с русским языком наш переводчик явно не в ладах.

По-русски не говорят о человеке, что у него мясо, разве лишь в шутку. Между тем у нашего переводчика мы читаем:

«в человеке все обновляется: волосы, мясо, кости» (стр. 50)[97].

Вот несколько примеров нарушения норм русского языка:

«затаить дыхание» — в современном русском языке это выражение употребляется в переносном смысле: «слушать, затаив дыхание», т. е. с повышенным интересом. А для прекращения икоты, как сказано у нашего переводчика на стр. 19, это выражение неприменимо[98]. Там же, несколько далее, у нашего переводчика: «допёк ее (икоту) чиханьем»[99].

«тебе не дадут проходу» (стр. 16)[100] означает по-русски или «над тобой будут смеяться» или же «ты будешь привлекать внимание, к тебе будут приставать, ты будешь иметь успех». А переводчик употребляет это выражение в смысле «тебя будут отчитывать, обвинять».

ние здесь излишне» (*Егунов А. Н.* К сведению комментатора «Пира» // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5201, л. 262).

[94] «рассказчик» (Егунов. Л. 266) — «тот, кто тебе рассказывал» (ИД. С. 119).

[95] «...впрямь не сообщил тебе ничего толком» (Апт. Л. 266) — «...совсем ничего не сообщил тебе толком» (Егунов) — «...и впрямь не рассказал тебе ничего толком» (ИД. С. 119).

[96] «До тех же пор» (Егунов. Л. 266). В издании сохранен вариант Апта (ИД. С. 119).

[97] Цитата неточная. В первоначальном варианте перевода Апта: «...(человек) всегда обновляется, что-то непременно теряя, идет ли речь о волосах, о мясе, о костях, о крови или обо всем теле» (Апт. Л. 314) — «...он постоянно обновляется, что-то непременно теряя, будут ли то волосы, плоть, кости, кровь, вообще тело» (Егунов) — «...будь то волосы, плоть, кости, кровь или вообще тело...» (ИД. С. 164).

[98] «...подольше задержи дыхание» (Егунов. Л. 283) — «задержи дыхание» (ИД. С. 135).

[99] «...прибег к чиханью» (Егунов. Л. 287) — «расчихался» (ИД. С. 139).

[100] «...тебе не дадут этого делать» (Егунов. Л. 280). В издании замечание Егунова не учтено (ИД. С. 131).

«пьем, сколько кот наплакал»[101] — по-русски можно сказать только в таком роде: «в чашке осталось, сколько кот наплакал»[102].

«раскрывался без дураков (?)» (стр. 62)[103]

«боги спровадили Орфея *из* (sic) Аида» (12)[104]

«у них язык плохо (sic) подвешен» (15)[105]

«на (sic) любви собаку съели» (193 е)[106].

Приведенных примеров уже достаточно, чтобы сказать, что, появись данный перевод в печати, мы все, т. е. и представители издательства, и редактор, пропустив подобный курьезный перевод, были бы скомпрометированы, так как это превосходный материал для фельетона в «Литературной газете» или в каком-нибудь журнале.

IV

Ошибками против русского языка являются и такие выражения:

«мы найдем и встретим соответствующий себе предмет любви» (стр. 29)[107].

Предмет любви должен здесь соответствовать не себе, а нам. На той же странице менее резко, но все же неверно:

«каждый найдет соответствующий себе (надо: ему) предмет любви»[108].

Не различает наш переводчик и разницы между «кто-то» и «кто-нибудь». Так у него встречается такое выражение:

«что же было бы, если бы кому-то довелось увидеть высшую красоту» (стр. 54а; надо, конечно, «кому-нибудь»)[109].

---

[101] «...мы-то всегда были слабосильные» (Егунов. Л. 272) — «...мы-то всегда пьем по капле» (ИД. С. 124).

[102] Тут невольно вспоминается тот тургеневский персонаж («Новь», II, 25), который щеголял пословицами «знай кулик свой шесток» или «красна изба углами». — *Прим. Егунова.*

[103] «...бывал серьезен и весь раскрывался» (Егунов. Л. 328) — «...раскрывался по-настоящему» (ИД. С. 176).

[104] «...отослали из Аида» (Егунов. Л. 276). В издании сохранено «спровадили» (ИД. С. 127).

[105] «...пытаясь убеждать речами, в которых там несильны» (Егунов. Л. 279) — «...они не мастера говорить» (ИД. С. 131).

[106] «...знают толк в любовных делах» (Егунов. Л. 294) — «...великие знатоки любви» (ИД. С. 145).

[107] «...мы найдем и встретим между людьми как раз наши половинки в тех, кого мы любим» (Егунов. Л. 293) — «... мы встретим и найдем в тех, кого любим, свою половину» (ИД. С. 144).

[108] «...каждый найдет соответствующего ему любимого человека» (Егунов. Л. 293). В издании сохранен первоначальный вариант перевода Апта (ИД. С. 144).

[109] «...если бы кому-нибудь довелось узреть самоё прекрасное» (Егунов. Л. 319) — «...если бы кому-нибудь довелось увидеть высшую эту красоту» (ИД. С. 169).

Хромает у него иногда и синтаксис: «...а это не что иное как встретить...» (29)[110].

Или:

«перечислить все твои странности, да еще в таком состоянье» (59; чьи странности в таком состоянии? Сократа? На самом деле Алкивиад говорит здесь о себе)[111].

V

Не различает наш переводчик и оттенков значения русских слов. Так, уверить (оттенок ложности) он употребляет в смысле «убедить» (стр. 55)[112].

«Наудалую» (стр. 37) там, где надо «наудачу»[113].

«Сборище» имеет по-русски отрицательно-презрительный оттенок, но у нашего переводчика это не так: по его мнению собравшиеся на пир — это «сборище» (стр. 4)[114], и Федр у него, желая сказать, что Эрос способствует общению людей, выражает эту мысль так:

«он потворствует (sic) всяким сборищам (sic)» (стр. 35)[115].

Слово «юнец» (если уж его вводить в литературный язык) имеет снисходительно-презрительный оттенок, а переводчик употребляет его нейтрально (стр. 10)[116]. Напротив, «малыш» слово ласкательное, а у него означает вообще малолетних, подростков (стр. 14)[117].

VI

Встретив в тексте перевода такие формы, как «положенье» (вместо «положение»), «отношенье» (вместо «отношение»), я сперва думал, что это опечатка машинистки. Но оказалось, что на всех 70 страницах перевода везде так: порицанье, поведенье, зренье, безобразье, самообладанье и т. д., что не соответствует русской орфоэпии и, очевидно,

---

[110] «...это — встретить любимого человека» (Егунов. Л. 293) — «...встретить предмет любви, который тебе сродни» (ИД. С. 144).

[111] «...не готовясь, перечислить по порядку все твои странности» (Егунов. Л. 325). В издании сохранен первоначальный вариант (ИД. С. 174).

[112] «Убедить» (Егунов. Л. 320). В издании: «уверить» (ИД. С. 170).

[113] «Наудачу» (Егунов. Л. 301), то же в ИД. С. 152.

[114] «...из страха перед сборищем» (Апт. Л. 268) — «...устрашившись многолюдства» (Егунов) — «...испугавшись многолюдного сборища» (ИД. С. 120).

[115] Читатели в свое время недоумевали, почему это Томас Манн, если верить нашему переводчику, обозвал так свою аудиторию: «...поездка... была богата встречами, сборищами и деятельностью» (Томас Манн. Собр. соч. Т. IX. М., 1960, стр. 202). За 4 года (1960—1964) у нашего переводчика нисколько не прогрессировало понимание слова «сборище». — *Прим. Егунова.*

«...устраивает разные, подобные нашему, собрания» (Егунов. Л. 299) — «...устраивает всякие собрания, вроде сегодняшнего» (ИД. С. 150).

[116] «Подросток» (Егунов. Л. 274). В издании: «юноша» (ИД. С. 126).

[117] «Малолетние» (Егунов. Л. 278), то же в ИД. С. 130.

отражает индивидуальную особенность произношения переводчика[118]. Правда, зато вместо «уменья» у него «умение».

VII

Переводя древнегреческий литературный памятник, переводчик ошибочно считает возможным употреблять выражения, проникшие в русский язык из чуждых античности культурно-исторических формаций. Так, «говоря по чести» (стр. 7)[119] относится к западноевропейскому рыцарскому лексикону. «Отпустить с миром» (флейтистку, стр. 8) — к библейскому[120]. Вышеприведенное выражение «у них (беотийцев) язык плохо подвешен» (вообще ошибочное, так как по-русски можно сказать только «хорошо подвешен») обязано своим происхождением церковным колоколам (язык в колоколе). В оригинально-русском произведении подобные выражения, правда, употребляются в их стертом значении, но в переводном, относящемся к античности, они невольно освежаются (благодаря несвойственному им контексту) и получается культурно исторический языковой анахронизм[121].

Точно также вместо стертого значения приобретает свой буквальный смысл и слово «вторить»[122], когда речь идет о пении (стр. 35). «Вторить» означает петь в известном интервале, например, в терцию, по отношению к основному голосу. Обычно принято считать, что древние греки этого не знали, их пение было в унисон.

Опасно употреблять и такое, опять-таки стертое в наши дни выражение, как «бросить на произвол судьбы» (стр. 11)[123], потому что читатель может понять, будто здесь выражено греческое представление о судьбе.

VIII

Особое пристрастие переводчик питает к фольклорно-русским, частью устаревшим, частью относящимся к просторечью выражениям и присловьям.

---

[118] Все эти орфоэпические замечания Егунова были учтены.

[119] «...признаюсь вам» (Егунов. Л. 271) — «...откровенно говоря» (ИД. С. 123).

[120] Исправлено на: «отпустить» (ИД. С. 124).

[121] К этому можно добавить и выражение «за чистую монету» (58). Совершенно чуждо античности и пошлое выражение «сердца богов» (35). — *Прим. Егунова.*

[122] «...надо следовать всякому человеку, прославляющему его в прекрасных гимнах и причастному к той песне, которую поет Эрот» (Егунов. Л. 299). В издании сохранен первоначальный вариант Апта: «...вторя его прекрасной песне» (ИД. С. 150).

[123] Егунов предлагает вычеркнуть эту фразу (Егунов. Л. 275), однако в издании она сохранена (ИД. С. 127).

Так у него встречаем: охочи (27)[124], чаял (65)[125], веки вечные (52)[126], распрекрасный (45)[127], вино лилось рекой (70)[128], питейная часть застолья (7)[129], пока суд да дело (7)[130], поучить уму-разуму (18)[131], на нет и суда нет (37)[132], рачительная любовь (51)[133], двуснастный (24)[134], не ударит лицом в грязь (35)[135], масть к масти подбирается (32)[136], касаясь всей своей статью (32)[137], за мной дело не станет (53)[138] и т. п.

Ничего подобного в подлиннике нет, так, например, то, что у переводчика передано как «не ударит лицом в грязь», оказывается просто εὖ ἐρεῖ (35)[139]. Но если бы даже в подлиннике были народные присловия, поговорки и пословицы, их, как известно, надо с большой осторожностью заменять соответствующими (по смыслу) русскими[140], так как этим можно невольно нарушить характер иноязычного литературного памятника и снизить его познавательное значение[141]. Наш пе-

[124] «падки» (Егунов. Л. 291) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 142).

[125] «думал» (Егунов. Л. 331) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 179).

[126] «На будущее время» (Егунов. Л. 316) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 166).

[127] «прекрасным» (Егунов. Л. 309) — в издании правка принята (ИД. С. 160).

[128] «...вино было в изобилии» (Егунов. Л. 336) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта: «вино полилось рекой» (ИД. С. 184).

[129] «...перешли к вину» (Егунов. Л. 271) — «...приступили к вину» (ИД. С. 123).

[130] «...пока суть да дело, займись едой» (Апт. Л. 271) — «...принимайся прежде всего за ужин» (Егунов) — «...а покамест принимайся за ужин» (ИД. С. 123).

[131] «...способствовать разумности и всяческой доблести» (Егунов. Л. 282) — «...сделать юношу умнее и доблестнее» (ИД. С. 133).

[132] «Так прощай, моя речь!» (Егунов. Л. 301) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 151).

[133] «Рвение и любовь» (Егунов. Л. 315) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 165).

[134] «Андрогины» (Егунов. Л. 288), то же в ИД. С. 140.

[135] См. ниже.

[136] «Подобное стремится к подобному» (Егунов. Л. 296) — в издании принята правка Егунова (ИД. С. 147).

[137] «А коль скоро он касается и ногами, и всей своей статью всегда только самого мягкого в самом мягком» (Апт. Л. 296) — «Касаясь и ногами, и всем всегда только самого мягкого в самом мягком» (Егунов) — «...он касается и ногами, и всем» (ИД. С. 147).

[138] «Все же я скажу о них, не останавливаясь перед тратой усилий» (Егунов. Л. 317) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 167).

[139] «Будет хорошо говорить» (*др.-греч.*). «...будет говорить хорошо» (Егунов. Л. 299) — «будет говорить превосходно» (ИД. С. 150).

[140] Старая академическая шутка: γλαῦκ᾽ Ἀθήναζε φέρειν хорошо переводится «в Тулу со своим самоваром не ездят». — *Прим. Егунова.*

[141] У нашего переводчика даже реквизит подвергся русификации: вместо античных котилов у него «стаканчики». — *Прим. Егунова.*

Исправлено, см.: ИД. С. 172.

реводчик воскрешает давно забракованные и сданные в архив приемы перевода[142].

В самом деле, получается совершенная нелепость: те слои русского населения, где бытовали выражения вроде «охочи» и т. п. (очевидно, низшие слои старорежимной России), никак не могли возлежать на ложах и вести беседы об Эроте и Афродите. Не говоря уж о том, что у переводчика это носит совершенно маскарадный, псевдо-русский характер, усугубляемый вдобавок кое-где вкраплением словечка «мол» (36, 40, 45).

Все это плохо вяжется с архаизмами, допущенными нашим переводчиком: ибо (стр. 14, 51, 63 и др.), ныне (стр. 26, 29 и др.), дотоле (34 — уместно в стихотворной цитате, но неуместно на той же странице внизу)[143]. К архаизмам же относится и перевод μουσική[144] как «изящные искусства» (стр. 34) — в наше время это выражение неупотребительно.

IX

Такие слова, как наутек (61)[145], невдомек (41, 48)[146], боязно (30)[147], осрамиться (34)[148], являются в данном переводе промежуточными между старинно-фольклорным и современным нам просторечием, которое представлено в изобилии: штукарь (43)[149], выдумщики (= изо-

---

[142] В 1900 году проф. И. И. Холодняк перевел «Пир Тримальхиона», заставив древних римлян выражаться русскими присловьями, что вызвало тогда же резкое осуждение со стороны филологов и литературных критиков. — *Прим. Егунова.*

[143] Во втором случае Егунов предлагает правку «до той поры» (Егунов. Л. 298). В издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 149).

[144] В данном контексте: искусство, образование, духовная культура. «...Эрот хороший поэт, сведущий вообще во всяких изящных искусствах» (Апт. Л. 298) — «...Эрот — поэт, выдающийся вообще во всех видах мусических произведений» (Егунов) — «...Эрот хороший поэт, сведущий вообще во всех видах мусических творений» (ИД. С. 149).

[145] Вычеркнуто Егуновым (Егунов. Л. 327), но сохранено в издании (ИД. С. 175).

[146] Любимое слово переводчика: так у него выражается и платоновская Диотима, жрица и пророчица, и (о самом себе) писатель Томас Манн (Т. IX, стр. 209). — *Прим. Егунова.*

Первый фрагмент (л. 305—306), полностью переработан Егуновым (см. ниже). Во втором случае первоначальный вариант Апта: «...а мне это невдомек» (Апт. Л. 312) — «...а я их не понимаю» (Егунов). «Невдомек» (л. 305, 312) убрано из перевода Апта, но зато дважды внесено редакторами издания в перевод «Федра» Егуновым.

[147] «...очень даже боялся» (Егунов. Л. 294) — в издании сохранено «боязно» (ИД. С. 145).

[148] «...не упустить и здесь ничего» (Егунов. Л. 298) — «...не осрамиться и тут» (ИД. С. 148).

[149] «ремесленник» (Егунов. Л. 307) — в издании правка принята (ИД. С. 158).

бретатели, 52)[150], клевали носом (70)[151], удираю (61, δραπετεύω[152] только по звукам похожее на русское «удираю», но не по оттенку значения), удирает (17, в стихотворной цитате!)[153], болтал (= беседовал, 62)[154], не дав ему (Сократу) пикнуть (65)[155], книжонка (9)[156], если эти поэты (Гесиод и Парменид) не врут 32[157], Пошли! (= пойдем, 5)[158].

Здесь уместно задать переводчику вопрос, в какой же социальной среде происходит действие диалога? «Пир» Платона приобретает у переводчика характер грубоватых жанровых сценок, словно действие происходит в каком-нибудь кабачке среди матросов, которые, по Платону, имели репутацию людей невоспитанных (Phaedr 243c: ἀκούειν ἐν ναύταις που τεθραμμένων[159]), а не среди избранного афинского общества, афинской элиты. Аристофан в гостях у Агафона говорит совсем не языком персонажей своих комедий. Подвыпивший Алкивиад выражается вполне литературно. Но переводчику до этого нет дела. У него Агафон, поэт, автор трагедии, по характеристике Аристофана — изнеженный (Thesmoph. 52—58), по характеристике Аристотеля — тонко остроумный (Поэтика, 18, 1456: «вероятно, чтобы многое случалось и вопреки вероятию»), говорит таким языком: «Ты хочешь одурманить меня, чтобы я сбился с панталыку» (стр. 30)[160]. Или: «... чтобы мне не заразиться[161] той мудрой мыслью, которая осенила тебя в сенях» (наш переводчик, вероятно, и не заметил, какой здесь получается каламбур: «осенила в сенях». Конечно, в подлиннике нет

---

[150] «...а из занимающихся ручным трудом теми, кого называют изобретателями» (Егунов. Л. 316) — «...те из ремесленников, которых можно назвать изобретательными» (ИД. С. 166).

[151] «дремали» (Егунов. Л. 336) — «их клонило ко сну» (ИД. С. 184).

[152] «Убегать» (без просторечного оттенка) (*др.-греч.*). Егунов предлагает вариант «уклоняюсь от него, убегаю» (Егунов. Л. 327) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта: «...я пускаюсь от него наутек, удираю» (ИД. С. 175).

[153] «упорхнув, улетает» (Егунов. Л. 281) — «упорхнет, улетая» (ИД. С. 132).

[154] «беседовал» (Егунов. Л. 328) — в издании сохранен вариант Апта (ИД. С. 177).

[155] «...не давая ему ничего больше говорить» (Егунов. Л. 331) — «...не дав ему ничего сказать» (ИД. С. 179).

[156] «сочинение одного мудреца» (Егунов. Л. 273) — «книжка» (ИД. С. 125).

[157] «...если только верны их рассказы» (Егунов. Л. 296) — «...если эти поэты говорят правду» (ИД. С. 147).

[158] «Идем!» (Егунов. Л. 269) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 121).

[159] «...речи людей, воспитавшихся среди матросов» (пер. Егунова цит. по: ИД. С. 206).

[160] «...заворожить меня, чтобы я сбился» (Егунов. Л. 294) — «...чтобы я сбился» (ИД. С. 145).

[161] «Заразиться» в данном контексте (Агафон хочет возлечь рядом с Сократом) приобретает особый смысл, почти медицинский. Лишнее повторять, что в подлиннике этого нет. — *Прим. Егунова.*

ничего подобного)[162]. Таким образом, в творческом претворении нашего переводчика «Пир» Платона — своего рода греческая аналогия к «Пиру Тримальхиона».

X

Греческие слова συνουσία[163], χαρίζεσθαι[164] не исчерпываются тем, хотя и верным, но слишком «прямолинейным» значением, которое придает им наш переводчик: соитие, отдаваться. По-гречески это слова более общего, широкого значения, своего рода эвфемизм, а переводчик суживает, огрубляет их. Если его способ передавать эти понятия применить к иноязычным произведениям того времени, то там, где в подлиннике было бы «он ищет взаимности», в переводе оказалось бы «он хочет совокупляться».

То же самое и со словом συμμιγῆναι[165] относительно животных: переводчик передает его слишком «зоологически», как «спаривание». Я совсем не стою за то, чтобы, вследствие своего рода «викторианизма» что-нибудь оказалось завуалированным в переводе, как это делали старинные переводчики «Пира», например, такие поэты, как Расин и Шелли, но и обратное, то есть огрубление, как у нашего переводчика, также не соответствует подлиннику.

XI

Итак, на основании приведенных примеров можно сделать обоснованный вывод, что в данном переводе речевая характеристика персонажей не соответствует ни их социальному положению, ни их образованности. Разговорность языка Платона не означает бойкости речи во что бы то ни стало и любой ценой. Очевидно, по замыслу переводчика, цель Платона — потешать публику, а между тем эффект получается обратный — это только утомляет, как обычно бывает в случае неудачных острот и затянувшегося балагурства.

При неполном владении русским языком и полном отсутствии вкуса данный переводчик внушает читателю ложное представление о Платоне, который в таком адаптированном виде мало чем отличается от некоторых стихотворений Катулла или от комедии Менандра — в передаче того же переводчика[166]. Читателю данного перевода остает-

---

[162] «...чтобы мне коснуться и изведать той мудрости, что предстала перед тобою в дверях» (Егунов. Л. 270). В издании сохранен первоначальный вариант Апта: «...чтобы и мне досталась доля той мудрости, которая осенила тебя в сенях» (ИД. С. 123).

[163] «Общение, знакомство» (*др.-греч.*).

[164] «Делать приятное, угождать» (*др.-греч.*).

[165] «Соединяться» (*др.-греч.*). «Их охватывает любовная горячка сначала, когда они соединяются друг с другом» (Егунов. Л. 313) — «Они пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания» (ИД. С. 164).

[166] Нельзя не отметить единство стиля в различных переводческих работах данного переводчика. Открываем Менандра и в первых же строках (стр. 37) встре-

ся непонятным, почему это в книгах по истории литературы, кем бы и когда бы они ни были написаны, всегда говорится о Платоне как о художнике слова, о том, что у него чистейший аттический язык и что «Пир» — одно из самых мастерских его произведений.

Хотелось бы знать, какими историко-литературными и культурно-историческими соображениями, опрокидывающими обычные представления, руководствовался переводчик в своей грубо-комедийной, условно-простонародной передаче «Пира» Платона? Было ли это следствием определенной концепции? Была ли вообще какая-нибудь концепция? Читал ли наш переводчик до этого своего перевода что-нибудь из Платона и о Платоне? Считает ли переводчик, что в каждого крупного писателя надо, как говорится, войти, постараться его понять и освоить? Элементарность этих вопросов вызывается качеством данного перевода.

XII

Но, скажут в защиту данного перевода, ведь вышеуказанные промахи все наперечет, допустим. Их сотня или полторы на 70 страниц перевода, т. е. примерно по два промаха на страницу. Удалив или изменив их, мы получили бы удовлетворительный текст. Беда, однако, в том, что операция эта не механическая, указанные особенности вросли в языковую ткань перевода, и изменение одного слова иной раз влечет за собою изменение целой фразы, так что дело это очень осложняется.

Присмотримся, однако, и к тем местам перевода, где нет этих особенностей. Там, где наш переводчик перестает наконец щеголять своими словечками, он пользуется вялым, серым языком, далеким от всякой художественности и совершенно противоречащим характеру переводимого им произведения. Тут мы встречаем такие речевые штампы: что же касается (очень часто), наблюдается (23), иметь в виду (29[167], 48[168]), безусловно (23), в данной обстановке (29)[169], убеди-

---

чаем слово «смилова́вшись» (с таким ударением), неверно употребленное в значении «смилостивиться», как ясно из контекста. Народное слово «миловаться» означает «любиться» («миловались, целовались»), так что у нашего переводчика, собственно говоря, выходит, что старик «слюбился» с женой пасынка. — *Прим. Егунова*.

Речь идет о переводе Аптом комедии Менандра «Брюзга» в изд.: *Менандр*. Комедии; *Герод*. Мимиамбы. М.: Худож. лит., 1964 (сер. «Библиотека античной литературы. Греция»). Егунов тут не совсем справедлив: в издании нет ударения в слове «смиловавшись», которое несомненно читается как «сми́ловавшись».

[167] «...я имею в виду вообще всех мужчин и всех женщин» (Апт. Л. 293) — «Но я говорю вообще о всех мужчинах и женщинах» (Егунов) — правка Егунова не была принята (ИД. С. 144).

[168] «Чтобы понять, что ты имеешь в виду» (Апт. Л. 312) — «...чтобы понять твои слова» (Егунов) — в издании сохранен вариант Апта (ИД. С. 163).

[169] «...из того, что есть сейчас» (Егунов. Л. 293) — «...из всего, что есть сейчас» (ИД. С. 144).

тельным примером может служить (11)[170], в неподходящей среде (49)[171] и т. п. Словом, это те нежелательные языковые навыки, с которыми борется в наши дни и школа и газета. В редакции какой газеты пропустят такое выражение, как «ввиду собственной бедности» (стр. 44)[172]? В сочетании с чем-нибудь античным это особенно эффектно: «в среде богов» (34)[173] или «находится всегда в состоянии войны» (Эрот! 33)[174].

Всякая поэзия при этом исчезает, теряется все характерное. Иногда получается даже комично:

«Алкестиде захотелось умереть за Адмета» (51)[175].

Общее снижение тона диалога — это своего рода модернизация в сторону серости, обыденности. При этом пропадают, в обход трудностей, также и риторические приемы, наблюдающиеся у Платона. Например, не передано πράξις... ἐν τῇ πράξει[176] (180e—181a, стр. 13). Или αἴτιον θεόν... αἴτιος[177] (194e — 195a, стр. 29) передано «бога, дарую-

[170] «...дает... достаточное доказательство в пользу такого утверждения» (Егунов. Л. 275) — «...убедительно доказала это» (ИД. С. 127).

[171] «В чем-нибудь несоответственном» (Егунов. Л. 313) — в издании сохранен вариант Апта (ИД. С. 163).

[172] «из-за своей бедности» (Егунов. Л. 308) — «в своей бедности» (ИД. С. 158).

[173] «между богами» (Егунов. Л. 298) — «среди них» (ИД. С. 149).

[174] «Ведь любовь находится всегда в состоянии войны с неизящным» (Апт. Л. 297) — «Ведь у безобразия и Эрота всегда война друг с другом» (Егунов) — «Ведь у любви и безобразия вечная распря» (ИД. С. 148).

[175] «Алкестида умерла бы за Адмета» (Егунов. Л. 315). Исправлено на: «пожелала бы умереть» (ИД. С. 21).

[176] «Действие... в действии» (*др.-греч.*). «Никакое дело не может быть ни прекрасным, ни безобразным само по себе. Например, все, что мы делаем сейчас, пьем ли, поем ли или беседуем, прекрасно не безотносительно, но в зависимости от того, как это делается, как происходит: если это совершается прекрасно и правильно, это становится прекрасным, а если неправильно, то, наоборот, безобразным» (Апт. Л. 277) — «Всякое действие обладает вот каким свойством: само по себе оно ни прекрасно, ни безобразно. Например, ничто из того, что мы сейчас делаем, пьем ли мы, или поем, или беседуем, не будет само по себе прекрасным, но может выйти таким, смотря по тому, как это делается: если это совершается прекрасно и правильно, оно становится прекрасным, а если неправильно, то, наоборот, безобразным» (Егунов) — «О любом деле можно сказать, что само по себе оно не бывает ни прекрасным, ни безобразным. Например, все, что мы делаем сейчас, пьем ли, поем ли или беседуем, прекрасно не само по себе, а смотря по тому, как это делается, как происходит: если дело делается прекрасно и правильно, оно становится прекрасным, а если неправильно, то, наоборот, безобразным» (ИД. С. 129). В своем переводе «Речи Павсания» из «Пира» Егунов предлагает следующий вариант: «Всякое *действие* имеет такие свойства: совершаемое само по себе, оно ни прекрасно, ни гадко, как, например, то, что мы сейчас делаем. Пить, петь, беседовать, — ни в чем из этого нет прекрасного как такового, но в *действии*, как все это совершается, может получиться подобное» (Архив Егунова; курсив наш. — *А. В.*, *М. Б.*).

[177] «Бога, являющегося виновником... виновник» (*др.-греч.*). «...если мы хотим прославить бога, дарующего нам это благо, мы должны славить Эрота» (Апт. Л. 293) — «Прославляя бога, дарующего нам это, мы по справедливости должны

щего нам это благо», что тоже банальный «красивый» штамп. Таких примеров можно привести много.

Особенно страдают при этом философские пассажи диалога. Например, 202а — ответственное место, касающееся платоновской гносеологии, на него нередко делаются ссылки в курсах истории греческой философии. Но наш переводчик не потрудился навести соответствующую справку и переводит это место сбивчиво и произвольно, не считаясь с установившейся терминологией: речь идет о представлении (ἡ ὀρθὴ δόξα, τὸ ὀρθὰ δοξάζειν[178]), а не о суждении, как это дает переводчик (стр. 41), деформируя тем самым философскую систему Платона.

Но возьмем для объективности, чтобы избегнуть упрека в одностороннем подборе примеров, такое место из данного перевода, где, как говорится, все в порядке, и присмотримся к работе нашего переводчика. Оставим в нетронутом виде слово «целостность» — так переводчик передает затруднительное для перевода сочетание нескольких слов подлинника, и посмотрим, как он переводит дальнейшее, не представляющее уже никаких затруднений для передачи по-русски (в правом столбце даем, с вариантами, наш дословный перевод):

...целостность, к которой нам повелительно указывает дорогу Эрот. Не следует идти против Эрота: идти против него значит навлекать на себя ненависть богов (193в)[179]	...в чем (поскольку) нам вожатый (руководитель) и военачальник — Эрот. Пусть никто не поступает наперекор (вопреки) ему, поступает же наперекор тот, кто враждует с богами (или: враждебен богам; или: навлекает на себя ненависть богов).

славить Эрота» (Егунов) — «...нам следовало бы воздать хвалу сначала самому Эроту» (ИД. С. 146).

[178] «Правильное представление, представлять правильное» (*др.-греч.*). «Стало быть, тебе невдомек, что верное, но не подкрепленное доводами суждение не является ни знанием, ни невежеством? Если оно не обосновано, какое же это знание, а если оно соответствует действительности, какое же это невежество? По-видимому, верное суждение представляет собой нечто среднее между пониманием и невежеством» (Апт. Л. 305—306). Егунов предлагает полностью заменить этот абзац: «Правильно представлять себе что-нибудь, не имея, однако, способа дать себе в этом отчет — разве ты не знаешь, что это еще не есть знание? Как могло бы быть знанием нечто безотчетное? Но это и не невежественность — как могло бы быть невежественностью то, что касается сущего? Это, конечно, всего лишь правильное представление, нечто среднее между разумностью и невежественностью» (Егунов). В издании: «Стало быть, тебе неведомо, что *верное*, но не подкрепленное доводами *представление* о чем-либо нельзя назвать знанием? Если нет объяснения, какое же это знание? Но это и не невежество. Если оно соответствует тому, что есть на самом деле, какое же это невежество? По-видимому, *верное представление* — это нечто среднее между пониманием и невежеством» (ИД. С. 156; курсив наш. — *А. В., М. Б.*).

[179] «...чтобы нам достичь целостности, в чем наш вождь и руководитель — Эрот. Пусть никто не поступает наперекор ему — а ведь поступает наперекор тот, кто враждует с богами» (Егунов. Л. 293) — «...чтобы нашим уделом была целостность, к которой нас ведет и указывает нам дорогу Эрот. Не следует поступать наперекор Эроту: поступает наперекор ему лишь тот, кто враждебен богам» (ИД. С. 144).

Переводчик разложил понятие «вожатого» на глагольную конструкцию «повелительно указывает дорогу» (отметим здесь оттенок «красивого» слога) и, продолжая этот образ, два раза повторяет слово «идти». Во второй половине приведенного примера переводчик погрешает против смысла подлинника: там говорится, что наперекор Эроту действует тот, кто вообще относится во враждебных отношениях с богами, следовательно, и с Эротом. У нашего же переводчика выходит так: кто действует наперекор Эроту (причина), тот становится ненавистен богам (следствие). Это все же не совсем то.

Приведенный пример не из худших, его можно оставить и без исправления: такой перевод, как говорится, «сойдет» — но сойдет на «тройку» и даже с минусом. Вместе с тем этот пример показателен вот в каком отношении: наш переводчик беззаботно относится к стилистическим явлениям подлинника, ему безразличны здесь два определения Эрота, выраженные в подлиннике существительными, что звучит достаточно выразительно; безразлично ему и повелительное наклонение. Он передает «как бог на душу положит», в данном случае — гладко, значит «хорошо», то есть он идет по линии наименьшего сопротивления.

XIII

Создается впечатление, что наш переводчик работал по следующему методу: охватив мысленно содержание фразы подлинника, он затем выражал его не как лучше, а как ему удобнее, пренебрегая разными «несущественными», по его мнению, деталями. При этом теряются очертания, конфигурация фразы подлинника: переводчик, словно нарочно, передает фразу подлинника не так, как она развертывается там, ставя это как бы своей задачей или считая, что в этом-то состоит сноровка переводчика.

Мне на практике известны полномочия переводчика — и вставлять лишние слова, и не считаться с частями речи, и менять предложения и т. д. и т. д.[180], но все это при условии необходимости, когда иначе

[180] Как тут не вспомнить старика Горация:

> pictoribus atque poetis (прибавим от себя: и переводчикам)
> quidlibet audendi semper fuit aequa potestas —
> scimus et hanc veniam petimusque damusque vicissim.

Но там же Гораций предостерегает от безвкусиц:

> sed non ut placidis coeant inmitia, non ut
> serpentes avibus geminentur, tigribus agni,

а как раз сочетание несочетаемого (суконный язык, расцвеченный фальшивыми блестками «народности») и делает данный перевод таким странным:

> spectatum admissi risum teneatis, amici? — *Прим. Егунова.*

Егунов приводит цитаты из «Науки поэзии» Горация:

> «Художникам, как и поэтам,

нельзя поступать из-за несоразмеримости языков[181]. У нашего переводчика нет бережного отношения к тексту. Он действует, очевидно, под флагом борьбы с буквализмом и поэтому сразу разрешает себе все, что угодно, и, не пытаясь приблизиться к подлиннику, начинает с отступлений. В результате весь его перевод — сплошное отступление.

Платон уже 40 лет не появлялся на русском языке (за исключением диалога «Теэтет» в переводе В. Сережникова, 1936 года). Поэтому особенно ответственно выступать с ним перед новым, культурно подросшим, советским читателем. Перевод С. Апта неверно передает общий тон и характер диалога «Пир», искажает слог и язык автора и поэтому должен быть признан совершенно неудовлетворительным. Для приведения перевода С. Апта в мало-мальски сносный вид пришлось в порядке «редакторской правки» переменить до $^{3}/_{4}$ текста его перевода.

XIV

Остается еще одно, уже последнее, замечание.

Возьмем следующее место на стр. 54-а: «...если бы кому-то[182] довелось увидеть высшую красоту... не обремененной человеческой плотью[183], человеческими красками и всякой другой смертной дребеденью[184], если бы божественную эту красоту можно было увидеть воочию во всей ее самобытности...»[185]. Читая это место, я обратил вни-

---

Издавна право дано дерзать на все, что угодно!»
Знаю, и сам я беру и даю эту вольность охотно.
<...>
Только с умом, а не так, чтоб недоброе путалось с добрым,
Чтобы дружили с ягнятами львы, а со змеями пташки.
<...>
Кто бы, по-вашему, мог, поглядев, удержаться от смеха?
(пер. М. Л. Гаспарова).

[181] Состав нашей братии переводчиков наш переводчик пополнил еще и демонами, так на стр. 43 он уверяет, что «демоны — переводчики». Но это, очевидно, шутка с его стороны, так же как и выше на стр. 4. — *Прим. Егунова.*

Тут же Егунов отсылает к странице своего текста (в наст. издании см. с. 155), где приводится фраза в переводе Апта «на любви собаку съели», которую Егунов может объяснить только как неуместную шутку переводчика. Согласно первоначальному варианту перевода Апта, назначение демонов — «посредничать, как переводчики, между людьми и богами» (Апт. Л. 307). Правка Егунова: «быть истолкователем и посредником» (Егунов).

[182] На своеобразном языке переводчика это означает «кому-нибудь». — *Прим. Егунова.*

[183] Здесь обременена красота, а не плоть — пример неряшливости слога нашего переводчика. — *Прим. Егунова.*

[184] «Смертная дребедень» (!!) — комментарии здесь излишни. — *Прим. Егунова.*

[185] «...если бы кому-нибудь довелось узреть самоё прекрасное, подлинное, чистое, без примеси, не заполненное человеческой плотью, красками и множеством

мание на слово «самобытность». Так переводчик передал μονοειδές[186] подлинника (211e). Тут впервые у меня мелькнула догадка, что между подлинником и данным переводом, быть может, имеется какое-нибудь посредствующее звено. Я справился в известном, в своем роде классическом немецком переводе Шлейермахера (начала XIX в.), и моя догадка подтвердилась: там было переведено «in seiner Eigenartigkeit», т. е. «в своем своеобразии»[187]. Стало быть, самобытность нашего переводчика оказалась не слишком самобытной. Начиная с этого места и до конца диалога я, проверяя данный перевод, заглядывал порою и в перевод Шлейермахера и убедился, что он не сходил с письменного стола нашего переводчика. Этим, я думаю, объясняется, что наш переводчик заставляет трагического поэта кричать на пиру «Ура!» (стр. 69) — слово, кстати сказать, несуществующее по-гречески. Juchhe! — так передано у Шлейермахера греческое ἰοῦ, ἰοῦ[188] (223a). Такое понимание данного места, однако, ошибочно. Вспомним описанную Платоном ситуацию: Агафону, по настоянию Сократа, надо переменить свое место на пиру, чтобы Сократ, в порядке условленной очереди, мог произнести в его честь похвальное слово. Поэтому Агафон покидает свое место рядом с Алкивиадом и, обращаясь к нему, полушутливо и чрезвычайно учтиво восклицает: «Увы, мне нельзя остаться». Ясно, что «Ура» здесь не подходит и было бы в устах Агафона крайней невежливостью по отношению к Алкивиаду.

Другой пример: εἴ τι ἄλλο ἢ τῆς οὐσίας τῆς ἐμῆς δέοιο ἢ τῶν φίλων τῶν ἐμῶν (218c) [189] — фраза, не представляющая затруднений для перевода, почему-то ошибочно переведена: «как и во всем другом, что зависит от меня или от моих друзей»[190]. Ошибка эта объясняется тем, что при спешной работе (а перевод диалога носит следы спешки тем больше, чем ближе к концу) переводчик в рассеянности неверно передал

прочего бренного вздора, то есть если бы кто мог узреть самоё это божественное прекрасное в единой идее?» (Егунов. Л. 319) — «...если бы кому-нибудь довелось увидеть высшую эту красоту чистой, без примесей и без искажений, не обремененную человеческой плотью, человеческими красками и всяким другим бренным вздором, если бы эту божественную красоту можно было увидеть воочию в цельности ее идеи?» (ИД. С. 169).

[186] «Единообразие» (*др.-греч.*)

[187] У Шлейермахера «in seiner Einartigkeit» (Platons Werke von F. Schleiermacher. Dritte Auflage. Berlin: Georg Reimer, 1857. S. 301), т. е. «во всем его единообразии».

[188] «Увы, увы» (*др.-греч.*). Platons Werke von F. Schleiermacher. Dritte Auflage. S. 308. Немецкое «Juchhe!» действительно может означать «Ура!».

[189] «Если бы ты нуждался в чем-либо ином, принадлежащем мне или моим друзьям» (*др.-греч.*).

[190] «...как если бы ты нуждался в чем-нибудь другом, например, в моем имуществе или в моих друзьях» (Егунов. Л. 330) — «...ведь я не отказал бы тебе, нуждайся ты в моем имуществе или в моих друзьях» (ИД. С. 178).

это место у Шлейермахера: was du irgend sonst von dem meinegin oder von meinen Freunden brauchst (перевод Шлейермахера правилен)[191].

Ограничимся этими двумя примерами, хотя их могло бы быть и больше — в мою задачу не входит сличение данного перевода с другими переводами. Вообще говоря, нет ничего зазорного, если наряду с пользованием словарями, комментированными изданиями и другими пособиями русский переводчик заинтересуется и иноязычными переводами данного произведения, тем более что хороший перевод есть, в сущности, реализованный комментарий, который может помочь в понимании трудных мест текста. Переводчик не строит свой перевод на голом месте — он должен учесть опыт своих предшественников, но к ним надо отнестись критически. Кроме того, иноязычный перевод будет вреден, если русский переводчик уделяет ему больше внимания, чем подлиннику, и руководствуется его словесными решениями, т. е. когда посредник заслоняет собою подлинник и больше, чем подлинник, впечатляет русского переводчика. Что больше впечатляло нашего переводчика — Платон или Шлейермахер — это он знает сам.

А. Егунов
ноябрь 1964 г.

Библиографический список

1. *Азов А. Г.* Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920—1960-е годы. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013.
2. Андрей Николаевич Егунов: рукописное наследие: (ученый и переводчик в интеллектуальной истории России). Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.
3. *Ахилл Татий Александрийский*. Левкиппа и Клитофонт / пер. А.Б.Д.Е.М. под ред. Б. Л. Богаевского; со вступ. ст. А. В. Болдырева. М.: Гос. изд-во, 1925 (сер. «Всемирная литература»).
4. «...словно ты выходец с того света, или, напротив, заживо странствуешь по елисейским краям»: Андрей Николаевич Егунов как филолог после 1956 года / вступ. ст., подг. текста и комм. М. Э. Баскиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год. СПб.: Полиграф, 2023.
5. *Бударагина О. В.* К истории АБДЕМ (по материалам петербургских архивов) // Philologica classica. 2019. Т. 14. № 12.
6. Византийская любовная проза: *Аристенет*. Любовные письма; *Евматий Макремволит*. Повесть об Исминии и Исмине / пер., вступ. статья и комм. С. В. Поляковой. М.; Л.: Наука, 1965 (Лит. памятники).

[191] Platons Werke von F. Schleiermacher. Dritte Auflage. S. 308. Букв.: «...и в этом пошел бы тебе навстречу, и во всем том, что тебе нужно от моих ближних или от моих друзей» (*нем.*).

7. Византийские легенды / изд. подг. С. В. Полякова. Л.: Наука, 1972 (Лит. памятники).
8. Выбранные места из переписки друзей-филологов: А. И. Доватур — А. Н. Егунов — Я. М. Боровский / публ. и прим. А. К. Гаврилова и В. В. Зельченко // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. Пб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; «Алетейя», 2000. Вып. II.
9. *Гелиодор*. Эфиопика / вступ. ст., ред. пер. и прим. А. Егунова. М.; Л.: Academia, 1932.
10. *Гелиодор*. Эфиопика / ред. пер., вступ. статья и комм. А. Егунова. М.: Худож. лит., 1965.
11. *Дашевский Г.* Россия или ад // Коммерсантъ Weekend. 2008. 19 окт. (https://www.kommersant.ru/doc/1026516).
12. *Дружинин П.* Идеология и филология: документальное исследование: в 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2012.
13. *Егунов А.* Введение // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 13: Законы. Кн. 1—6.
14. *Жебелев С. А.* Введение [к переводу диалога Платона «Пир»] // Творения Платона. Пб.: Academia, 1922. Т. V.
15. *Жебелев С. А., Радлов С. Э.* Предисловие // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 1.
16. *Завьялов С.* Гомер в качестве государственного обвинителя на процессе по делу русской поэзии: (о книге А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков») // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 (2).
17. *Карпов В. Н.* Предисловие (к первому изданию) // Сочинения Платона: в 6 т. / пер. В. Н. Карпова. СПб.: тип. духовн. журнала «Странник», 1863. Т. 1.
18. *Манн Т.* Собр. соч.: в 10 т. / под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова; вступ. ст. Б. Сучкова; прим. Р. Миллер-Будницкой и др. М.: Гослитиздат, 1960. Т. IX.
19. Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1962. Сб. 2.
20. *Маурицио М.* «Беспредметная юность» А. Н. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной, 2008.
21. *Менандр*. Комедии; *Герод*. Мимиамбы. М.: Худож. лит., 1964 (сер. «Библиотека античной литературы. Греция»).
22. *Николев А.* (*Андрей Н. Егунов*). Собрание произведений / под ред. Глеба Морева и Валерия Сомсикова. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1993 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 35).
23. *Николев А.* По ту сторону Тулы: советская пастораль / статья Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой; комм. А. А. Агапова, Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. М.: Носорог, 2022.
24. *Петров Вс. Н.* Калиостро: (воспоминания и мысли о М. А. Кузмине) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. № 163.
25. *Петроний Арбитр*. На ужине у Трималхиона: (отрывок из Satyricon) / пер. И. И. Холодняка // Филологическое обозрение. 1900. Т. XVIII. Приложение. Отд. изд.: 1900.
26. *Платон*. Избранные диалоги / сост., вступ. ст. и комм. В. Асмуса; ред. переводов А. Егунов. М.: Худож. лит., 1965.
27. *Платон*. Пир. Беседа о любви / пер. с греч. И. Д. Городецкого. М.: Дилетант, 1908.

28. *Платон.* Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. Т. 3.
29. *Платон.* Теэтет / пер. с греч. и прим. В. Сережникова. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936 (сер. «Классики философии»).
30. Поздняя греческая проза / пер. с др.-греч.; сост., вступ. ст. и прим. С. Поляковой. М.: Гослитиздат, 1961.
31. Полн. собр. творений Платона: в 15 т. / новый пер. под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. Пб.: Academia. 1923. Т. 13, 14.
32. *Полякова С. В.* <Рецензия> // Вестник древней истории. 1965. № 3.
33. *Светлов Р. В.* А. Н. Егунов о переводе платоновского диалога «Пир» // Платоновские исследования. 2023. № 19 (2).
34. *Светлов Р.*, *Минак В.* А. Н. Егунов как переводчик Платона // Платоновские исследования. 2022. Вып. 17 (2).
35. [*Сидоровский И., Пахомов М.*] Предуведомление от переводивших // Творений велемудраго Платона часть первая, переложенная с греческаго языка на российский свящ. Иоанном Сидоровским и коллежским регистратором Матфием Пахомовым, находящимся при Обществе благородных девиц. СПб.: при Имп. Акад. Наук, 1780.
36. *Соловьев Вл.* Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Вл. Соловьева. М.: К. Т. Солдатенков, 1899. Т. 1.
37. *Сомсиков В. И.* Жизненный и творческий путь А. Н. Егунова // Греколатинский Кабинет. 1997. Вып. 2.
38. *Трубецкой С. Н, кн.* Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Владимира Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого. М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1903. Т. 2.
39. *Ярхо Б. И.* Предисловие // *Петроний Арбитр.* Сатирикон / пер. *** под ред. Б. И. Ярхо. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924.